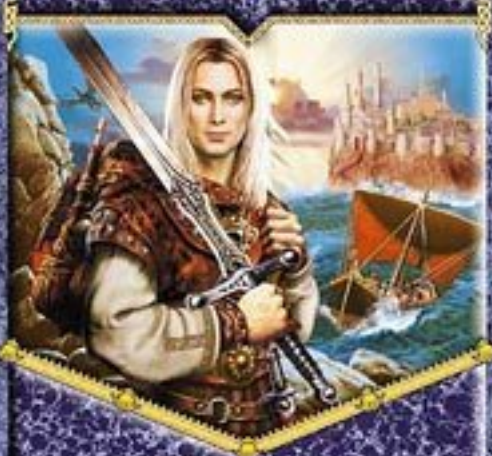

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Юлия ФЕДОТОВА

НАЕМНИКИ СУДЬБЫ

Издательство «ЛитРес»

Наемники Судьбы

Юлия Федотова

Наемники Судьбы

«Автор»

2006

Федотова Ю.

Наемники Судьбы / Ю. Федотова — «Автор»,
2006 — (Наемники Судьбы)

Нарушилось равновесие сил, перепуталась сеть магических потоков – значит, прозвучал сигнал к началу конца... А им так хотелось пожить для себя – героям, уставшим от бесконечных сражений, крови и смрада. Видно, такая у наемников судьба, что суждено им оставаться ее Наемниками, причем до скончания века. Как говорится, умереть молодыми, но... лучше сделать это как можно позже. Как быть? Что делать? Но если ты чувствуешь себя не только наемником, но и избранником Судьбы – тебе и решать.

© Федотова Ю., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юлия Федотова

Наемники Судьбы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Серым апрельским полднем мрачный и голодный Хельги Ингрем вышел из дверей университетской библиотеки и медленно побрел к учебному корпусу на лекцию по астрологии, размышляя по пути о превратностях бытия. В то утро его раздражало все: туман, лужи под ногами, нищие в подворотнях, крысы в сточных канавах, пыль в библиотеке и особенно эта окаянная астрология! Не для того он тащился в Уэллендорф с Севера, почти от самой Границы Жизни, чтобы изучать подобное мракобесие. Хельги вздохнул. Воспоминание о Севере окончательно повергло его в тоску. Север. Чистый, белый снег, хрустящий под ногами. Искрящийся морозный воздух. Серые скалы, кольца дольменов. И опять же рыба. Вкусная, свежая рыба, а не тухлятина из трактира за углом.

– А! Вот ты где!

Возглас, прозвучавший прямо над его ухом, заставил Хельги вздрогнуть от неожиданности. Он взглянул вверх и увидел Энку собственной персоной. Девушка зависла на своем грифоне у него над головой, и вид у нее был на редкость довольный.

– Знаешь, – сообщила она, – тебя ищет Меридит.

– Да? И зачем же? – осведомился Хельги для порядка. Он почти не сомневался в том, каков будет ответ.

– Она собирается тебя убить, – радостно возвестила Энка, – с самого утра. Хорошо, что я нашла тебя первой, увижу, как это произойдет. Знаешь, мне будет тебя не хватать! Ты у нас такой хорошенький, тебе об этом кто-нибудь говорил?

– Ну разумеется, – отмахнулся Хельги, – все только об этом и говорят. Лучше скажи, за что на сей раз?

– За лекции. Зачем ты дал списать ее лекции по философии мерзкому Хомпу?

– Вот именно, зачем? – прозвучал голос сзади, и в следующий миг сильный удар по затылку поверг Хельги наземь.

– Что за дурость? – возмутился Хельги, лежа на спине. – Да я бы в жизни не дал Хомпу не только лекции, а даже... даже пыли из библиотеки, – нашел он подходящее сравнение. – Уж не знаю, кто тебе наболтал...

– Это правда? – спросила Меридит, и в голосе ее звучало глубокое раскаяние. – Хельги, ты лучше встань, земля сейчас холодная. Тебе очень больно?

– А ты как думаешь? Мне ужасно больно.

На самом деле он преувеличивал. Человеку, эльфу или, скажем, гному от такого удара действительно пришлось бы плохо. Но Хельги не был ни человеком, ни эльфом, ни гномом. Он был спригганом, а спригганы куда устойчивее других к физическому воздействию, даже к такому, в которое разъяренная диса вложила изрядную часть своей немереной силы.

Завершился инцидент вполне удачно. Меридит поцеловала Хельги в щеку, попросила не сердиться, отряхнула ему куртку и пообещала написать за него реферат по алхимии.

Энка все это время крутилась рядом и веселилась. Хельги не удивился, если бы узнал, что она сама все и подстроила. До того как Энка перевелась из Ольтендорфа, большинство сокурсников Хельги представляли себе сильфид в виде этаких эфирных созданий, нежных и поэтичных. Им стоило большого труда привыкнуть к мысли, что растрепанная девушка с длинными ногами, желтыми глазами и дрянным характером, летающая на вонючем грифоне и всюду сующая свой нос, – это и есть сильфида.

Окружающие не без оснований считали Энку невыносимой, но Хельги и Меридит с ней подружились. У них было много общего. В этих краях, населенных главным образом людьми да эльфами, и спригган Хельги, и даса Меридит были такими же чужаками, как Энка. Им постоянно давали это понять, и все трое с радостью покинули бы Уэллендорф, но Хельги изучал естественную историю, Энка – архитектуру, а преподавали их, как на грех, только в Уэллендорфском университете, наряду с обычным перечнем обязательных предметов: философией, алхимией, астрологией, риторикой и магией. Особенно всех троих удручала магия. Неуклюжая, мрачная и опасная человеческая магия с ее бесчисленными амулетами, вонючим зельем, настоящим на разной дряни, и неудобоваримыми заклинаниями, которые требовалось знать наизусть. Энка и Меридит еще смогли кое-как к ней приспособиться, но Хельги она доводила до отчаяния. Он не мог взять в толк, зачем, например, сприггану, способному устроить приличный ураган, используя пять некрупных камней, учиться вызывать летний ветерок при помощи варева из старой змеиной кожи, цветов руты и земли из-под эшафота. «Это все равно как если ты умеешь читать по нормальному, а тебя заставляют делать это задом наперед, по слогам и стоя на голове!» – жаловался он. Однажды Хельги даже рискнул вступить в дискуссию с профессором Перегрином (выдающееся светило в области прикладной магии, ученик самого Мерлина!).

– А вы представьте, что попали в местность, где нет камней, – сказал профессор.

Хельги резонно возразил, что ему куда легче представить местность, где нет змей, руты и эшафотов. Аудитория развеселилась, Перегрин разозлился. Меридит яростным шепотом велела Хельги заткнуться и не нарываться. Он так и сделал и с тех пор страдал молча, а на экзаменах отчаянно шельмовал, пряча в кармане горсть мелких камешков и трясясь от страха, что кто-нибудь из сокурсников-эльфов его выдаст. Не со зла, просто в силу честности эльфийской натуры. Но годы студенчества сказывались и на эльфах – они стоически молчали, а кое-кто даже последовал дурному примеру других и стал использовать свои эльфийские штучки.

Но если практическую магию и удавалось спихнуть таким образом, то с теорией была просто беда. Вот и зимой Хельги сдал ее лишь с третьего раза, за что и был лишен стипендии. Это нанесло сокрушительный удар по их благосостоянию. Меридит получила шесть баллов из двадцати по риторике, Энка до сих пор ходила с хвостами, а деньги почти кончились. Оставшихся едва хватало на пару лепешек и кружку эля на троих. Потому неудивительно, что все трое пребывали в самом дурном расположении духа и, не скупясь, устраивали друг другу гадости.

Но на сей раз девицы перестарались. К вечеру у Хельги так разболелась голова, что он уже полдевятого покинул вечеринку в клубе и отправился спать в конуру на чердаке. Они снимали ее на троих, и была она так мала, что вмещала лишь табурет, тумбочку и две сдвинутые вместе кровати с соломенными матрасами. Камин уже не топили, из щелей под крышей нещадно дуло, и паутина, с которой Меридит вела жестокую, но неравную борьбу, развевалась на ветру. Продрогший Хельги залез под рваное одеяло и некоторое время мучился проблемой выбора: у стены холодно, в центре жестко – попадаешь на стык кроватей, – а если лечь с краю, к утру непременно окажешься на полу. В конце концов он улегся по диагонали, мудро решив: куда сдвинут, туда сдвинут, – и заснул.

Проснулся Хельги от яростного стука в дверь.

«Интересно, кто забыл ключи на сей раз?» – подумал он, открывая. Больше он ничего не успел подумать. Яркий свет фонаря резанул глаза и тут же сменился тьмой от накинутаго на голову мешка. Посыпался град ударов. Хельги сопротивлялся несколько минут, до тех пор пока холодное лезвие кинжала не вонзилось ему в бок. Это было последнее, что он почувствовал.

– О! Смотри-ка! Твое сокровище очнулось! – Голос Энки звучал на удивление гулко и отдавал эхом. – Я же говорила, ничего ему не сделается, – и нечего было психовать. Подумаешь, одна дырка!

– Я видала людей, которые отдавали концы и от меньшего, – раздраженно отвечала Меридит.

– Сама говоришь, то были люди. – Энка захихикала. – Признайся, ты просто в него влюбилась, вот и дергаешься. Ведь влюбилась, да?

Диса разозлилась.

– И ничего я не влюбилась. Хельги – мой брат по оружию. А ты – дура.

Энка расцвела, будто ей сделали комплимент. Хельги наконец нашел в себе силы прервать их болтовню.

– Эй, – прошептал он, с трудом усаживаясь и удивленно оглядываясь. – А где это мы?

Они находились в большом сыром помещении с замшелыми каменными стенами и крошечными зарешеченными окнами под самым потолком. Помещение было до отказа забито народом, немногие лежали, большинству хватало места лишь сидеть. Лежавшие стонали, сидевшие пребывали в унылом молчании и враждебно косились на оживленную сильфиду.

– Мы в темнице! – драматическим тоном объявила Энка. – Нас заточили в кошмарную темницу и не кормят уже трое суток! Удивляюсь, как я до сих пор с ума не сошла!

– Сходить не с чего, – мрачно буркнула Меридит.

– Трое суток? – удивился Хельги. – Ничего не помню! А кто нас заточил?

– Люди. Они устроили по всему городу облаву на первородных: кого перерезали, кого сюда посадили – заложниками, – пояснила диса.

– Но мы-то не первородные!

– А на тебе не написано, кто ты. Не человек, и ладно... Да лежи ты спокойно, тебе вредно шевелиться.

– Попробуй-ка ты спокойно, если тебе на руку наступили! А чего они взъелись на первородных?

– Из-за войны! – радостно возвестила Энка. – Инферн объявил нам войну. Вот люди и вообразили почему-то, что эльфы могут перейти на сторону Инферна, и решили их изолировать.

– Вот дурасть! А отчего мне так скверно?

– Тебя проткнули ножом. Видимо, приняли за горного эльфа. Они всех горных эльфов перебили, во рву валяются. Я сама видела! Так что тебе еще повезло.

Хельги возмутился:

– Каким же надо быть идиотом, чтобы принять меня за горного эльфа! Вот уж на кого я совсем не похож – это на эльфа.

– И ничего подобного, – вмешалась Меридит. – На самом деле ты здорово смахиваешь на горного эльфа.

– Ага, а ты на маленькую фею.

Энка громко рассмеялась. Сравнить Меридит с феей все равно что боевого коня с трепетной ланью. Девица, подобно всем дисам, отличалась высоким ростом, крепким телосложением, а силой превосходила любого мужчину-человека. В боевом облачении она выглядела куда более грозно, чем Хельги, по внешнему виду которого никак нельзя было составить верное представление о его возможностях. По правде говоря, он, как и все спригганы, действительно походил чем-то на горного эльфа. Главное же отличие заключалось в том, что если горные эльфы были созданиями хрупкими и нежными, то спригганы такими только казались. Силой и выносливостью Хельги не уступал Меридит, а по скорости реакции даже превосходил ее.

– Ты посмотри на мои глаза! – продолжал возмущаться Хельги. – А уши! Где ты видела у эльфов такие уши?

Глаза у него были светло-зеленые и светились в темноте, а уши заострились, – это делало его облик довольно зловещим.

– Да кто станет разглядывать твои уши? Их вообще не видно. Говорили тебе – постригись! Оброс хуже любого эльфа.

Меридит преувеличивала. Эльфы, и лесные и горные, носили длинные, до плеч, красивые волнистые волосы, а Хельги просто давно не стригся. Цирюльник брал слишком дорого, а девицам он не доверял с тех пор, как Меридит обкорнала Энку наголо. Лысая сильфида – зрелище экзотическое, но малопривлекательное, и Хельги справедливо полагал, что лысый спригган будет выглядеть не лучше.

– Чем болтать, лучше подумали бы, как отсюда выбраться, меня уже тошнит от этих стен, – проворчала Энка с несвойственной ей серьезностью. Всякое упоминание о стрижке портило ей настроение.

– Скорее уж надо думать, что делать, когда выберемся, – возразил Хельги.

– Сначала выберись. Эти проклятые стены...

– Да забудь ты про стены! Что толку, если мы выберемся, а нас пристрелят охранники?

– Хотела бы я забыть про стены, – не унималась сильфида, склонная к клаустрофобии как истинный представитель своего народа.

– Вот зануда! – потерял терпение Хельги. – Ну ладно, смотри!

Он положил ладонь на камень, и, на удивление Энке, рука его погрузилась в стену как в воду.

– Видишь? Хочешь – туда, хочешь – обратно, – он вынул руку. – Могу выйти сам и тебя захватить. Успокоилась?

Вместо того чтобы успокоиться, Энка рассвирепела.

– Какого же демона ты три дня валялся тут как бревно? Мы страдаем, не пивши, не жравши, в компании с полудохлыми эльфами! Что, трудно было раньше очухаться?!

– Уж извини, – обиделся спригган. – Все претензии к тому, кто меня проткнул.

– Сам виноват, зачем позволил себя проткнуть?

– Их было человек десять! Я все-таки не тролль, чтобы справиться без оружия с такой толпой. Да еще спросонья!

Энка осознала несправедливость своих упреков, но успокоиться так скоро не могла. Отстав от Хельги, она напустилась на Меридит:

– А ты, подлая, почему мне не сказала, что он нас выведет? Нарочно, чтобы я мучилась?

– Если бы я тебе сказала, ты бы его так задержала, что он точно не выжил бы. А что, нет?

Отрицать было бесполезно, потому что сильфида решила сменить тему:

– Как это у тебя получается? Что-то я раньше не замечала, чтобы ты сквозь стены ходил.

Вечно «где ключи, где ключи».

– Все дело в том, какая стена, – нехотя ответил утомленный разговорами Хельги.

– А какая она должна быть? – не отставала Энка.

– Ох, Меридит, расскажи ей, я спать хочу! – взмолился спригган.

– Каменная! – сообщила диса. – Замкнутый контур из серого камня, как здесь, притом круглый. Эта башня фактически дольмен. А дольмен – катализатор спригганской магии. Однажды в Сехале мы попали в плен к сумолам, так Хельги выпустил из тюрьмы целый отряд, да еще местных уголовников за компанию.

– Ах, меня совершенно не интересуют ваши боевые подвиги. Я желаю знать, когда он намерен выпускать нас... эй, вы чего? Чего они уставились?

Хельги открыл глаза и встретился взглядом с сотней пар эльфийских. В них светилось одно – НАДЕЖДА.

Ему не хотелось шевелиться. Не хотелось думать. Не хотелось ничего делать. Но продолжать оставаться объектом неожиданной популярности было еще хуже. Закусив от боли губу, Хельги сел и яростно прошипел:

– Давайте! Убирайтесь отсюда, пропади все пропадом! И хватит на нас тарашиться.

Эльфы не сдвинулись с места.

– Что, вот так просто? – тихо спросил один. Кажется, его звали Лерли, он был магистром на кафедре астрологии.

– А чего вы ждете? Что я сварю зелье и спою заклинание? Проваливайте и дайте помереть спокойно!

К чести эльфов, неожиданно обретенная свобода не заставила их потерять головы. Сперва выскользнули двое, но тут же вернулись с доброй вестью: снаружи безлунная ночь. Потом несколько наиболее крепких и здоровых тихо, без единого шороха и вскрика, сняли охрану и вооружились. За ними небольшими группами потянулись остальные заключенные, унося на себе раненых, – минут через пятнадцать темница опустела.

Хельги сполз по стене и со стоном растянулся на полу. Ему в жизни не было так плохо.

– Ну чего ты разлегся? – возмутилась Энка. – Мы что, жить здесь будем? Не ровен час, заглянет стража, на куски изрежут со злости!

– Да, – согласилась Меридит, – лучше нам поторопиться, пока ночь.

Хельги посмотрел на девиц снизу вверх с негодованием.

– Вы совсем дурные, да? Думаете, я сейчас встану и пойду? Да я теперь и сесть-то как следует если только через неделю смогу. При условии, что меня будут хорошо кормить, поить и замазывать дыру сбоку чем-нибудь полезным. Так что идите без меня. И поторопитесь, пока я живой. А я тут останусь.

Диса цыкнула. Энка тоже.

– Что с ним говорить? Он совсем сдурел. Ты ведь можешь его поднять?

– Легко, – кивнула диса и продемонстрировала свои возможности наглядно.

– Положи! – разозлился Хельги. – Положи меня на место. Я пока еще в своем уме, в отличие от вас. Мне больно, когда меня дергают. Далеко мы с моим... телом не уйдем. Нас или убьют, или я сам помру от тряски. В любом случае мне будет больнее, чем сейчас. Так что оставьте меня в покое и уходите, пока не поздно.

Собрав последние силы, он снова привалился к камню.

– Давайте отправляйтесь!

– Ага, щас! – прошипела Энка, но Меридит неожиданно согласилась:

– Хорошо. Хельги в самом деле уже не поможешь, а мы еще можем спастись. У каждого своя судьба. Пошли, Энка.

– Взбесилась?! – Ошарашенная сильфида где стояла, там и села. – Мы что, его бросим?!!

– У нас нет выбора, – мрачно отрезала диса, поворачиваясь к Хельги спиной. – Прощай, Хельги, мне будет тебя не хватать... Да выходи ты отсюда скорее, тупица!

Энка, белая от злости, расселась на полу, всем своим видом демонстрируя, что не сдвинется с места. Но Меридит молниеносно, не дав девице опомниться, сгребла ее за шиворот и швырнула за стену, в черноту ночи. Энка приземлилась по-кошачьи, на четыре конечности, и тут же ринулась обратно. Но уперлась в серый, поросший скользким мхом камень: Хельги успел сориентироваться и перекрыть проход.

– Ну давай теперь ты. – Зеленые глаза сприггана, не мигая, в упор смотрели на дису.

Та медлила.

– Иду, иду, – успокоила она, – вот сейчас сапог поправлю...

Она нагнулась.

– Положи!.. – только и успел крикнуть Хельги.

Они сидели под серой каменной стеной, уходящей далеко вверх. Рядом валялось тело охранника, раздетого и обезоруженного эльфами. Дул сырой и резкий весенний ветер, от обводного рва несло тинной и нечистотами. Где-то во тьме гнусно орали коты, выла собака. Вдобавок ко всему этому безобразию, стал собираться дождь.

– И что мы теперь будем делать? – устало спросил Хельги.

– Дождемся, когда на Ратуше прозвонит колокол, узнаем точное время и пойдем... куда-нибудь, – ответила диса.

– За каким демоном тебе точное время? – сердито буркнула Энка. Она еще не успокоилась.

– Чтобы знать, куда успеем добраться до рассвета. Было бы желательно выйти из города через Северные ворота, их хуже охраняют. Но если скоро утро, придется идти через Восточные, они ближе всего.

– Никуда мы не успеем добраться, – обреченно сказал юноша, – ни до каких ворот. Я шевелиться не могу. Налетим на патруль, спрятаться быстро не сможем, как следует сражаться – тоже. Нас схватят или убьют.

В нормальном своем состоянии спригган вовсе не был склонен к черному пессимизму, но магия всегда влияла на него дурно.

– Кстати, – перебила Энка, – зачем вы устроили дурацкую сцену с прощанием?

– А иначе этот осел перекрыл бы стену и не дал себя извлечь. Уж я-то его знаю! Обычно он покладистый, но если вбил чего-то себе в голову, то все!

Дождь наконец собрался. Мелкий, косой и холодный. Энка выругалась. Хельги вопреки своим утверждениям, что не может шевелиться вовсе, перекатился на живот и резво пополз в стену. Диса поймала его за ногу и дернула обратно:

– Куда тебя несет?

– Внутрь. Там хоть сухо.

Она оттащила сприггана подальше от стены.

– Хельги, счастье мое, давай ты на сегодня уже перестанешь изображать идиота?

Энка вдруг лягнула Меридит ногой:

– Тихо? Тут кто-то есть!

– Тоже новость! – фыркнул Хельги. – Там за выступом эльф. Я думал, вы знаете.

Спригганы по природе своей существа ночные, поэтому Хельги видел в темноте куда лучше, чем диса и сильфида, и обладал более острым слухом.

– Простите, – раздался шепот из темноты, – я оказался рядом и невольно услышал ваш разговор. У вас возникли затруднения, не так ли?

– Да уж, – вздохнула диса. – Затруднения у нас возникли – что правда, то правда.

– Обычно мы не вмешиваемся в дела других народов, но вам мы обязаны жизнью... Я изучаю лечебную магию, может быть, вы позволите помочь вам?

– Ах, с превеликим удовольствием. Это было бы чрезвычайно любезно с вашей стороны, – расшаркался спригган. Его позабавила не вяжущаяся с ситуацией церемонность незнакомца.

Но дело свое тот знал. Часу не прошло, как рана Хельги затянулась, в голове прояснилось, силы, затраченные на транспортировку эльфов через каменную толщу, вернулись.

– Да, – отметила Энка, глядя на повеселевшего Хельги, – полезная вещь магия!

– Силы стихий! Магия! – Только что порозовевшее лицо Хельги вновь побелело. – Какое сегодня число?!

– Ш... шестое, я полагаю, – озадаченно ответила диса. – Или седьмое, а что?

– Седьмое, – сказал эльф, – полчетвертого утра.

– Кошмар! Седьмое! У меня пересдача коллоквиума по теории магии! Сегодня! Я же ни в зуб ногой... то есть, – он покосился на эльфа, – то есть вообще ничего не знаю, по нулям!

– Хельги, – осторожно начала диса, – радость моя, ты в своем уме? Ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** собираешься сдавать сегодня магию?!

– Ты не знаешь Перегрину? Он ясно сказал, что если я не пересдам демонов коллоквиум, то все! Недопуск до экзамена – и диплома мне не видать.

– Хельги! Война! Инферн! Люди режут эльфов, все летит к демонам, какой диплом?

– Хочешь сказать, мы зря мучились столько лет? Нет уж, война войной, а диплом дипломом. Делайте что хотите, а я пойду к Перегрину.

– А смысл? – логично возразила Энка. – Ты же все равно не сдашь, зачем рисковать?

Хельги не отступал:

– Затем. Одно дело – плохо подготовиться, другое – не явиться вообще. Сам же Перегрин сто раз говорил: «Только преждевременная кончина извиняет студента за неявку на экзамен».

– Так оно и будет, если ты пойдешь в университет. Надо срочно выбираться из города, скоро утро.

Хельги поднялся, тихо хныкая и придерживая рукой недавнюю рану.

– Вот и выбирайтесь. Идите к пещерам за Северными воротами – вы еще успеете и ждите меня там. Я быстро... или почти быстро. Короче, если не появлюсь до рассвета, значит, не появлюсь вообще. Я пошел.

С этими словами он канул во тьму.

– Хельги, стой! Ну сделайте что-нибудь! – яростно зашипела сильфида. – Проклятье! Без грифона как без рук!

Меридит махнула рукой:

– Бесполезно. Это тот случай, когда его не остановишь. Пошли.

– Давай захватим с собой эльфа, – предложила Энка, не стесняясь присутствием последнего. – От него, как ни странно, есть польза.

Меридит одарила ее испепеляющим взглядом и дополнила взгляд жестом.

– А чего такого я сказала? – удивилась сильфида. – Эльф полезный, надо взять его с собой. И все.

– Ты бы для начала его спросила, хочет он идти с нами или нет. Это же эльф, а не мешок какой-нибудь.

– Пожалуйста! Хоть сейчас спрошу. Пойдешь с нами? И нам хорошо, и тебе при нас безопаснее. Пойдешь?

Меридит тяжело вздохнула. Она была убеждена, что эльф откажется. Весь ее жизненный опыт подсказывал: если девица, к какому бы народу она ни принадлежала, хочет добиться чего-то от существа мужского пола, будь то человек, эльф или кто угодно, нужно не предлагать защиту, а просить о ней. И неважно, если ты раза в три сильнее этого существа. Надо быть тактичной.

Но Энка быть тактичной не умела.

– Мы и стражу на воротах снимем, и патруль перебьем, и грабителей, если вдруг нападут, – уточнила она, – а тебе никакого беспокойства! Соглашайся!

– Хорошо, – к великому удивлению Меридит, кивнул эльф. Впрочем, он был удивлен не меньше, просто сам себя не узнавал.

Эльфы, первородные, – закрытый народ. Они всегда держатся особняком, сводя общение с иными к необходимому минимуму. Лишь тот факт, что несколько сотен его соплеменников оказались обязанными жизнью сприггану, заставил Аолена, так звали эльфа, задержаться. Вернуть долг. Он сделал все, что требовалось, теперь надо было уйти. Так поступил бы любой эльф на его месте. Почему он поступил иначе?

– Вот и прекрасно, – обрадовалась Энка, – а то нет никакой гарантии, что этого осла Хельги не проткнут еще раз.

Хельги пробирался по спящим в собственной грязи городским кварталам к университету и только что не скулил страха. Но пугали его не темнота, не крысы, снующие под ногами, не ночные убийцы или городская стража. Только одного на свете боялся спригган Хельги Ингрем, подменный сын ярла Гальфдана Злого. Боялся он профессора прикладной и теоретической магии, мэтра Перегрин, ученика самого Мерлина.

Когда в разговоре Хельги оценил свои познания по теме коллоквиума нулевым баллом, он сильно преувеличил. Следовало бы поставить знак минус. Происшедшее заставило его забыть даже то немного, что он уже знал раньше. Шансов на зачет не было никаких. Оставалось лишь надеяться, что профессор не слишком разозлится и разрешит сделать еще одну попытку, когда наступят лучшие времена. Или что загадочный дух Халява, тот самый, которого студенты ловят по ночам, размахивая в окне зачетным листом, вдруг смилостивится над несчастным.

Профессор прикладной и теоретической магии, мэтр Перегрин устал. Ночь, как и подобает универсальному магу, он провел в трудах, и теперь собирался отдохнуть перед приходом студентов-должников.

Он задул свечи, оставив лишь одну, в переносном латунном подсвечнике, запечатал заклитием дверь в кабинет и торопливо пошаркал к своим жилым апартаментам, что располагались этажом выше. Эти ночные прогулки были самой главной неприятностью в его жизни. Погруженный во мрак университет казался опасным и зловещим. Везет же коллегам Монссону и Уайзеру, живут рядом со своими лабораториями, а ведь им не приходится работать по ночам! Профессор время от времени порывался ходатайствовать о переселении, но всякий раз его останавливало опасение быть заподозренным в трусости, позорной для мага его уровня. Оставалось лишь резво семенить по длиннющему, продуваемому сквозняками коридору и успокаивать себя тем, что тихий, но вполне различимый вой издает ветер в каминной трубе, а не кто-то ночной и опасный.

Профессор успел миновать самый плохой участок пути – лестницу, где, по слухам, водилось привидение – обезглавленная дама в декольте. Он уже почти дошел до цели, как вдруг...

– Простите, господин профессор, – раздался усиленный эхом шепот.

От неожиданности Перегрин выронил свечу. Все утонуло во мраке.

– К... кто здесь, Силы Стихий?! – пискнул он, едва сдерживая панику.

Он чувствовал себя беспомощным и одиноким перед лицом невидимой угрозы.

Чьи-то руки подняли свечу, услужливо подали профессору. Вспыхнул огонек.

– Простите. Это я.

– Кто? – Голос профессора заметно дрожал.

– Я... на пересдачу.

Слово «пересдача» мгновенно вернуло Перегрину уверенность. Он поднял свечу повыше и гордо выпрямился.

– Что-то не припомню, – ядовито начал он, – чтобы я назначал пересдачу на четыре утра. Вы вообще в своем уме? И потом, что у вас за вид? Ох, Силы Стихий!

То, что наконец удалось разглядеть Перегрину в тусклом свете огарка, вновь повергло его в панику. Всю ночь он с целью познать врага своего штудировал запрещенный трактат по некромантии. И теперь ему показалось, будто одно из описанных в нем исчадий мрака и тлена восстало из небытия, мокрое, грязное, окровавленное, и явилось за ним, дабы покарать от имени всех несчастных провалившихся на экзаменах студентов.

Немало душевных сил пришлось затратить профессору, чтобы отогнать наваждение и... убедиться: перед ним не выходец с того света, а просто ни на что не похожий спригган по фамилии Ингрэм, студент с кафедры естественной истории. Тот самый, которого он, Перегрин, как это ни предосудительно для педагога, откровенно терпеть не мог и заваливал при каждом удобном случае. А случаев было хоть отбавляй: теоретическая магия и интеллект сприггана оказались вещами несовместимыми. Профессор просто поверить не мог, услышав, как коллеги Донаван и Брэгг наперебой расхваливают Ингрэма за прекрасную успеваемость по зоологии и горному делу, что речь шла о том самом студенте, который демонстрировал редкостную тупость на его семинарах.

Но не в этом крылась причина неприязни Перегрин к сприггану. За долгие годы, что профессор практиковал магию, он овладел (и он понимал это!) едва ли пятой долей тех сил, которые недоучившийся мальчишка студент использовал с прирожденной легкостью. Ему не нужна была теория магии – сила была у него в крови. Та самая. Сила Стихий.

Конечно, спригган не единственный из студентов превосходил мэтра Перегрин магическими способностями. В Уэллендорфе училось полно эльфов из леса Кланов и Безрудных гор – горных эльфов, чьи тела сейчас валялись в городском рву. Но то эльфы. Первородные. И природа их силы другая, чуждая и недоступная человеку. Сами же эльфы могли при желании овладеть Силами Стихий, но не лучше простого студента.

Перегрин хорошо запомнил случай, происшедший года три назад.

Компания очень молодых и легкомысленных эльфов (кто бы мог подумать, что такие бывают?) играла в аудитории радужным шариком. Состоящая из некой магической субстанции маленькая сфера мелькала под потолком, управляемая взглядами эльфов. Время от времени шарик ударял в стену, рассыпая искры.

И вот, по злому ли эльфийскому умыслу, по неосторожности ли, шар вдруг нырнул вниз, описал дугу и врезался прямо в лоб Ингрэму. Тот покачнувшись и упав бы, не ухвати его дуса за шиворот. Эльфы, всегда свысока относившиеся к малым народам, приснули.

– Да гром вас разрази! – разозлился спригган. – Никогда не думал, что эльфы – такие идиоты! Чтоб вам...

Он поймал взглядом радужный шарик. Тот вдруг почернел, раздулся и лопнул с оглушительным треском. Запахло паленой шерстью.

Профессора поразило, как вытянулись лица эльфов, умолк смех. Тихо перешептываясь и опасливо косясь, вышли они из аудитории.

Тогда же он невзлюбил Ингрэма. И теперь не скрывал своего раздражения.

– Чего ради вы притащились в такое время? Вам назначено на полдень.

– Я не могу в полдень! – отчаянно прошептал студент. – Я могу только сейчас!

– А я, уж простите, не могу сейчас. И будьте добры привести себя в порядок. Не позорьте университет своим видом. Вы что, в канаве валялись? Убирайтесь!

Хельги всхлипнул и прислонился к стене.

И тут у Перегрин наконец включились утомленные ночным бдением мозги. Канава. Ров. Он видел тела эльфов во рву – мокрые, грязные, окровавленные...

– Ох, Силы Стихий! – выдохнул он. – Как же я сразу...

Лихорадочно нашарив ключ, профессор отворил дверь и рывком впихнул сприггана внутрь. Тот, ошарашенно моргая, замер.

– Да не стойте же столбом, – суетился профессор. – Вот! Это вещи моего сына, они вам подойдут... переодевайтесь, да быстрее!.. Нет, сперва идите в ванную... давайте ваше рваньё, я брошу в камин... Счастье, что нас никто не видел в коридоре! Хотя кому там быть?.. Эти ваши безобразные уши! Нужен капюшон... Возьмите полотенце. Ну вот!

Он удовлетворенно оглядел вымытого студента:

– Так вы уже слегка похожи на человека... гм... Что с вами случилось? Откуда вы взялись?

– Из крепости Фольд, – быстро, как на экзамене, ответил Хельги, – я сбежал.

– Великие Силы! Сюда-то вы зачем явились? В округе на каждом шагу стража! Что за легкомыслие?!

– Пересдача же!

– Так, – Перегрин положил ладони на крышку стола, этот жест обозначал, что профессор принял решение, – вы когда последний раз ели?

Хельги задумался:

– В пятницу утром... или в четверг...

– Вот. – Профессор достал из буфета пищу – такую Хельги сто лет не едал, – жареную курицу, паштет, кексы... – Да ешьте же вы! Вам до рассвета надо выбраться из города, здесь оставаться нельзя, университет обыскивают. Полшестого первый обход. Эй! Не спите, а ешьте!

Хельги отчаянно клевал носом. Сил не осталось даже на еду.

Профессор похлопал его по щеке:

– Послушайте, сделайте над собой последнее усилие, дойдите до дивана.

Хельги заснул с мыслью: «Интересно, поверит ли кто-нибудь из наших, что я спал на диване мэтра Перегрин». Впрочем, когда спустя полчаса его безжалостно растолкали, ему показалось, что он и не спал вовсе. В него влили кофе, на него напялили плащ с капюшоном (хорошо, что сегодня дождь), вручили узелок с едой и подпихнули к двери.

– А пересдача? – слабо пискнул Хельги.

– Да поставлю я вам этот распроклятый зачет! Поставлю! Поторопитесь, скоро рассвет! Спригган наконец ушел.

А профессор Перегрин сидел и думал. Он часто думал о сприггане Ингреме, чаще, чем хотелось бы. Постепенно вместо живого существа в этих размышлениях занял некий вымышленный образ, отчасти списанный профессором с себя самого. Он помнил себя – молодого, самоуверенного, снисходительного – на уроках одряхлевшего Мерлина с его допотопными заклинаниями и нелепыми пассажами (тогда еще не отжила мануальная магия). Теперь таким представлялся профессору студент Ингрем. Он насмеялся над стариком за глаза. Он презирал его слабость. И теорию-то он не учил специально, демонстрировал: мол, зачем ему теория, при его-то способностях.

И вдруг это существо – голодное, уставшее, несчастное, только что чудом избежавшее гибели – вновь рискует жизнью, и ради чего? Ради его, профессора, подписи в зачетном листе. Взлелеянный образ соперника рухнул. Теперь мэтр Перегрин думал о том, считать ли безумный поступок студента знаком особого уважения к его профессорской персоне или лишним доказательством абсурдности бытия.

Тем временем Хельги без приключений миновал четыре патруля и городскую стражу – они его просто не заметили в предрассветной мгле – и в условленном месте застал девиц, живых и здоровых, и с ними, как ни странно, эльфа.

Дорога из города оказалась для них менее спокойной. На них имели несчастье напоротся пятеро квартальных сторожей из числа воинственно настроенных горожан. Энка расвирировала и перебила их самолично, их же оружием. Дело было сделано аккуратно и тихо. Больше беглецов никто не тревожил.

– Ну как? Разрешил еще одну пересдачу? – тормозила Хельги Энка. – Что ты молчишь как полено? Разрешил?!

– Нет... То есть да... То есть я сдал.

– Что значит – сдал? – удивилась Меридит. – Ты не мог сдать. Ничего не понимаю!

– Я и сам не понимаю. Он заставил меня вымыться, переодеться, потом я спал на его диване, потом он сказал, что поставит зачет, и выгнал меня. И еще вот... – Хельги вывалил еду из узла.

– Ого! – завопила Энка радостно. – С этого и надо было начинать!

– Да, – отметила диса, глотая кекс, – мэтр Перегрин оказался лучше, чем я думала. Хельги, ты зря так плохо учил магию.

– Ты что, не знаешь, как я старался? – возмутился Хельги. – Я же не виноват, что у меня избирательная магическая тупость. Просто чудо, что он согласился поставить мне зачет!

– Халява! – подытожила сильфида. – Великий дух Халява.

Ей все всегда было ясно.

– Давайте лучше решать, что делать дальше.

– Лично я буду спать. А вы думайте, – заявил спригган.

Стали думать. Решили дождаться вечера, а дальше – мнения разделились. Энка хотела на юг, в наемники к сехальцам. Там платили золотом, не обращали внимания, человек ты или нет. И даже не знали про Инферн.

Меридит не любила жару и сехальскую еду. К тому же ей казалось зазорным участвовать в бесконечной междоусобной грызне мелких царьков, в то время когда грянула великая битва миров.

Эльф участия в разговоре не принимал. Он до сих пор не мог разобраться, что заставило его, вопреки эльфийским принципам, присоединиться к странной компании «онельнов» – так называли эльфы всех представителей малых народов без разбору: спригганов, дис, сильфов, дев корриган, фей, троллей, лепреконов и многих-многих других. Себя эльфы именовали «альвен» – первородные. Были еще «альорке» – горные гномы, гоблины, кобольды, «альмэнс» – чужие, то есть люди. И «эмортэ» – те, кого в Староземье именовали емким словом «нежить».

Спор дисы с сильфидой разрешил Хельги. Он проснулся от их ругани, сел и тоном, не терпящим возражения, заявил:

– Пойдем на север. Я хочу рыбы, – и заснул снова.

К удивлению Аолена, девицы сразу согласились.

– За ночь уйдем как можно дальше от города, а там, глядишь, можно будет двигаться и днем. Пойдем по старой дороге на Эскерольд, она почти заброшена. Потом свернем на запад и вдоль Безрудных гор выйдем к побережью, – озвучила более развернутый план диса.

– А потом? – рискнул спросить эльф.

– Поедим рыбы и решим, чего нам еще захочется, – ответила Энка, – может, винограду?

Они шли навстречу войне. Все отчетливее становились ее приметы: ночные дозоры по околицам деревень – от них приходилось скрываться, маркитантские обозы, колонны солдат, месившие грязь весенней распутицы. И первые жертвы. Нет, Инферн был еще очень далеко. Это народы Срединных Земель резали друг друга почем зря, охваченные массовой ксенофобией.

– Если так пойдет дальше, – заметила Меридит на третьи сутки пути, стоя посреди разоренной эльфами деревни, – инферналам не с кем будет воевать. Интересно, они сильно огорчатся?

Хельги ткнул сапогом тело землепашца. Оно лежало в луже, из груди торчала изящная, серебристая эльфийская стрела.

– Не понимаю я этого идиотизма. Вместо того чтобы объединиться перед угрозой Инферна, люди с эльфами взялись друг друга истреблять. Что ты обо всем этом думаешь? – обратился он к эльфу.

Аолен молчал. Горло его сдавил ужас. Он ждал гибели в сыром застенке, он видел разлагающиеся трупы горных эльфов во рву, убитых ни за что, просто на всякий случай. Это было тяжело и больно. Но чего еще ждать от людей – наглого, грубого, жестокого народа?

Сейчас же он наблюдал страшную картину разорения, учиненного не кем иным, как эльфами – мудрыми, благородными, снисходительными. Как могли его соплеменники, славящиеся любовью к красоте и гармонии, совершить подобное?

Вот юноша, пригвожденный к косяку двери, лицо изуродовано болью и страхом. Стрела поразила его в область ниже живота, он долго страдал, умирая. Вот старуха, наполовину вывалившаяся из окна, юбка бесстыдно задралась, обнажив грязное белье. Мать с ребенком, пронзенные одной стрелой в куче конского навоза.

Эльф покачнулся, липким комком подступила тошнота.

– Силы Великие, – прошептал он, – зачем они ТАК? Почему?

– А потому! – невесело усмехнулась Меридит, кивнув вправо: – Смотри!

Он посмотрел. И увидел. Головы эльфов, насаженные на частокол.

Ветер шевелил серебристые волосы, возникало жуткое впечатление, будто несчастные еще живы.

Ноги эльфа подкосились...

– Да ладно тебе! – утешала Энка. – Не бери в голову. Война есть война. Тем более не вы первые ее начали.

– Все равно! – Голос Аолена дрожал. – Нельзя опускаться до грязной, безобразной мести. Война – это искусство, жестокое, но по-своему красивое. Нельзя превращать войну в бойню.

Хельги повернулся к лежащему эльфу, спросил с иронией:

– Тебе часто приходилось воевать? Не приходилось? Оно и видно. А мы, знаешь, всю жизнь только этим и занимаемся, так что поверь на слово. Война – это и есть бойня. Всегда. Даже если начинается красиво – ну там полководцы на белых конях, поединки перед строем, – заканчивается все равно бойней. И то, что ты видишь здесь, далеко не самое страшное. Ваши действуют более или менее... гм... аккуратно.

– Вот-вот! – подхватила Меридит. – Помнишь, когда мы выбили из атаханского аула моджахедов, что там было? А Корр-Танг после орков?

Энка скривилась:

– Не вспоминай, приснится!

Эльф поднял голову.

– Скажите, – спросил он, сам не зная зачем, – а вам приходилось убивать... мирных жителей?

Энка фыркнула и кивнула на Хельги с искренней досадой.

– С ним убьешь, пожалуй! Я раз хотела вырезать одно семейство в Кангаре – они нас чуть не отравили. Так нет! «Кто будет доить их корову? Кто будет пасти овец? Ах у них еще и собака есть, она будет горевать! Ах и кошка будет горевать!» В общем, дали хозяину в морду и ушли. Мой тебе совет, – она назидательно помахала пальцем перед носом эльфа, – надумашь воевать с Хельги – заведи хотя бы крысу, и жизнь тебе гарантирована.

– Ну и нечего издеваться, – обиделся Хельги. – А тебе бы только резать направо и налево...

– Знаете что, – поспешно вмешалась Меридит, – хватит препираться, пошли отсюда. Расселись среди трупов, как упыри!

Они покинули злосчастное селение и, не рискуя идти открыто, свернули в чашу, побрели параллельно дороге, шагах в пятидесяти от нее.

Чаша оказалась непролазной из-за густо разросшегося подлеска. Аолен морщился, продираясь через колючие заросли. На языке эльфов такой лес назывался «смоольд» – грязный. Энка шипела и не вполне цензурно ругалась. Она не привыкла ходить пешком.

Обычно сильфы летают на грифонах. Зачарованные грифоны – очень удобный транспорт. Заботиться о них не надо совершенно, достаточно просто отпускать на ночь. По первому зову хозяина зверь вернется. Есть только одна сложность. Если владелец не касается головы своего грифона в течение трех суток, тот обретает свободу и улетает уже навсегда. Нового грифона заполучить можно, но за бешеные деньги и, разумеется, только в Сильфхейме. Возвращение же на родину Энке не улыбалось по ряду причин. Оставалось лишь страдать, двигаясь пешком, и роптать на судьбу.

Спригган и диса шли молча.

Меридит привыкла не обращать внимания на бытовые неудобства, а задумавшись о чем-то, становилась почти бесчувственной.

К примеру, однажды вечером она вернулась с занятий и на вопрос собиравшейся на свидание Энки: «Какая там погода?» – пожала плечами и ответила: «Что-то я не посмотрела». В тот вечер над Уэллендорфом бушевал шквал, валил старые деревья и срывал черепицу с крыш.

Хельги по этой части недалеко ушел от Меридит, хотя временами на него находило – и он, по выражению Энки, «изображал из себя нежную фею». Но случалось это крайне редко.

Они шли, шли и шли. Лес не становился чище. По-весеннему яркое предзакатное солнце било в левый глаз, особенно досаждая Хельги. Он жмурился и спотыкался.

– Дурацкое время года, – злилась сильфида, – какой смысл лезть через эти колючки? Все равно весь лес насквозь просматривается, толком не спрячешься.

– Ну правильно, – подхватил Хельги, – давай маршрутировать по дороге! Из наших голов выйдут отличные украшения для деревенского забора.

Эльф застонал.

– Не будем о грустном! – рявкнула Меридит.

Спригган вдруг резко остановился, будто налетел на невидимую преграду.

– Ты чего? – удивилась диса.

– Чувствую, – значительно ответил он.

– Чего чувствуешь?

– Чувствую какую-то дрянь. Что-то опасное.

– Ты имеешь в виду магическую опасность? – уточнила Меридит. Именно такого рода опасность удавалось иногда предчувствовать сприггану.

– Вот именно. Её.

– Ерунда! – Энка ничего не чувствовала, кроме впившихся в ноги колючек. – Откуда в центре Старых Земель возьмется магическая опасность? Да еще днем!

Но эльф тоже насторожился. Рука его потянулась к луку, отобранному у квартального стража, – дрянное, по эльфийским меркам, оружие, но выбирать не приходилось.

Осторожно, стараясь не трещать ветками и не выстраиваться по одной линии, продвигались они вперед.

– Ладно! – сдался Хельги. От напряжения у него дрожали кончики ушей. – Пойдемте на дорогу. Там врага можно издали заметить, а здесь, чуется мое сердце, во что-то вляпаемся.

– Поздно, – вздохнула Меридит. – Уже вляпались!

Тонкая, едва заметная глазу сеть серебрилась между деревьями в лучах заходящего солнца. Впереди. Справа, слева, сзади. Она была бы неотличима от обычной паутины, если бы не рубиновые капельки, нанизанные на нее подобно росе.

– Силы Стихий! – воскликнула Энка. – Кровавая паутина! Откуда здесь эта мерзость? Говорила, пошли по дороге!

Аолен рассматривал паутину не столь испуганно, сколь заинтересованно. Он читал о существовании этой напасти, но в чем проявляются ее вредные свойства, толком не знал. Леса Староземья были заселены эльфийскими кланами. Их светлая магия давно уничтожила всякую нечисть, и та отошла в разряд преданий.

– Как она действует? – Ему не хотелось демонстрировать неосведомленность, но любопытство взяло верх.

– Просто и эффективно, – ответила диса. – Облепляет, парализует и высасывает. Сначала прицепится одна ниточка, потом – другая. За ночь нарастает кокон. Наутро паутина уползает, а от жертвы остается сухая оболочка.

– Бр-р! – вздрогнула Энка. От первой встречи с кровавой паутиной у нее остались неизгладимые впечатления и шрам на левой руке. Тогда, в Южных Землях, их спас грифон. Сейчас шансов было меньше. – Что будем делать?

– Окапываться, – вздохнул Хельги. – Под землю она не проникает. Успеем до темноты зарыться достаточно глубоко – тогда все в порядке.

– А палкой ее отодвинуть нельзя? – поинтересовался Аолен.

– Нет, – отвечала наученная горьким опытом сильфида, – по ней она и нападет. Она не дура.

Рыть было нечем, пришлось ковырять землю ножами, палками, руками, обдирая кожу и ногти. Торопились, но дело шло медленно. Повезло в одном: под дерном, почвой и полуметровой прослойкой щебнистого суглинка залегал песок, так что вскоре копать стало легче. К тому моменту, когда они смогли заползти, тесно утрамбовавшись, в свежевырытую нору, сумерки совсем сгустились, а паутина сжала кольцо до размера трех шагов. Спустя еще полчаса вход был полностью затянут серебристо-кровавым пологом.

Энка лежала между Аоленом и Меридит и противно хихикала.

– Ты чего? – строго спросила диса.

– Спи! Ничего. Только думаю, как мы обойдемся, если кому приспичит?

– Спи, дура! Накаркаешь!

Проснулись на рассвете, продрогшие, окоченевшие, с песком на зубах. Паутина исчезла, как и следовало ожидать. До заката ее можно было не опасаться, но оставаться в лесу никому не хотелось. Зато отчаянно хотелось есть. И немудрено. Они голодали уже пятые сутки.

– Зря мы вчера так быстро ушли из села, – сетовала Энка, – надо было поискать еду в домах.

Эльфа передернуло.

Но сожалеть им долго не пришлось, как это ни печально. К полудню они наткнулись на следующее село. Картина была очень похожей, с той только разницей, что среди населения нашлись уцелевшие – несколько перепуганных баб и подростков. Во время ночной резни они укрывались в выгребных ямах, эльфам не пришлось в голову искать их там.

Неожиданное появление четверых вооруженных нелюдей привело их в ужас, граничащий с безумием. Несчастные сгруппировались у колодца, готовясь встретить гибель.

Некоторое время стороны взирали друг на друга молча.

– За что?! – не выдержала, заголосила одна из женщин. – Великие Силы, за что такое горе? За что такая кара?!

У эльфа ком подступил к горлу, но спригган зло усмехнулся:

– Вот только не говорите, что эльфы напали первыми. Все равно не поверю! Где тут у вас заборчик с головами?

Хельги спрашивал наугад, но слова его попали в цель.

– Тамочки, за амбаром, – махнула рукой одна из девочек. У нее было плоское лицо и наивные коровьи глаза деревенской дурочки.

Энка присвистнула:

– Это что, мода теперь такая? На головы?

– Ну и зачем вы это сделали? – только и спросила диса.

– А так велел Багора, – деловито объяснила дурочка. – Багора, да.

На нее зашикали, но она лишь глупо моргала и продолжала рассказывать:

– Багора пришел и сказал: «Один амулет против Инферна – забор с эльфowymi головами. Только в нем спасение. А иначе придут с востока страшные твари и погубят наши села и города – и падет мрак и ужас на землю»...

Дурочка умолкла. Односельчане взирали на нее с суеверным ужасом.

– Кто такой Багора? – подскочил к девчонке Хельги. – Откуда пришел? Куда пошел? Как выглядел? Отвечай, зараза!

Он тряхнул бедняжку за плечи, повернулся к остальным:

– Да говорите же, или всех перебью!

Но люди молчали. Дрожали, плакали, но молчали. Даже дурочка утратила вдруг прорезавшееся красноречие и теперь лишь мычала и бормотала невразумительно, явно не в состоянии выразить свои мысли. И только когда Хельги силой отобрал у одной из баб младенца и сделал вид, что хочет утопить его в колодце, та проговорила, что Багора ушел на север.

– Ну и что вы об этом думаете? – осведомилась сильфида.

Они выходили из села, нагруженные провизией, – со злости взяли больше, чем собирались. Эльфа трясло – он впервые в жизни участвовал в грабеже.

– А то я и думаю, что не судьба нам в ближайшее время поесть рыбы, ибо намерен я найти этого самого Багору, и поскорее! Сдается мне, он и есть причина всех безобразий, – мрачно ответил спригган.

– Что тебе за дело до него? – возразила Энка.

– Да вот собираюсь его убить.

Девушка понимающе кивнула, а Аолен непроизвольно ускорил шаг. Ему тоже не терпелось найти человека, который рекомендует делать пугала из эльфийских голов.

– И где мы будем искать вашего Багору? – Энка остановилась вытряхнуть камень из сапога.

– Дорога здесь одна, – ответила диса, – по ней и пойдем, как шли. Глядишь, и наткнемся.

– Спасибочки, просветила! А я-то, глупая, собралась прочесывать лес! Даже если мы и наткнемся на Багору, как его опознаем? Вряд ли на нем висит табличка с именем.

– Спросим, зануда!

– А он не скажет!

– Не знаю, висит ли где табличка, но кое-что тут висит, – меланхолично заметил Хельги.

– Ох, Силы Стихий! – завопила сильфида, отпрянув.

Рядом с дорогой рос вековой дуб. На том дубе как раз и висело. Мертвое тело в очень плохом состоянии. Ноги его почти касались дороги, а вокруг были аккуратно разложены странные и неприятные предметы: куриный череп, огарок сальной свечи, окровавленный нож, старая змеиная кожа, связанная узлом, отрубленный палец, указующий на висельника, и еще несколько ни на что не похожих объектов. Красивое лицо эльфа исказилось.

– Я чувствую, – прошептал он, – средоточие чьей-то злой воли, ее флюиды вызывают к запретным силам ночи!

Хельги согласился:

– Да, флюиды те еще! За сто шагов разит некромантией. А мы-то гадали, откуда в этих краях кровавая паутина! Счастье, что сейчас день.

– Ты знаешь, что это такое? – заинтересовалась Энка.

– Знаю. Это приманка. Она притягивает всякую мерзость. Действует... – он прикинул на глаз расстояние от головы трупа до окружности, – тысячи на три шагов, не меньше.

– И зачем это надо?

– Как – зачем? Скажем, ты практикующий некромант. Ставишь такие штуки вдоль дороги так, чтобы зоны действия перекрывались, и все. В ночное время полностью контролируешь дорогу.

– Что-то не хочу я больше идти по этой дороге, – сообщила Энка. – А откуда у тебя такие познания в некромантии? Ты, часом, не того?..

Хельги фыркнул и не удостоил сильфиду ответом.

– За год до того, как ты к нам перевелась, – принялась разяснять Меридит, поглядывая на насторожившегося эльфа, – мы попали в войско к сехальскому визирю Мануфу. У него при каждой тысяче состоял некромант, на юге нет законов против некромантии. Вот наш и рассказал нам кое-что по-приятельски.

– Настоящий живой некромант?! – поразилась сильфида. – И вы с ним просто так говорили? По-приятельски?! А какой он был? Ужасный?

Меридит пожала плечами:

– Человек как человек. Не хуже многих других.

– Вообще-то он был пьяница, – добавил Хельги. – Напивался и любил болтать лишнего. Его потом исключили из некромантской гильдии и куда-то сослали.

– Надо разрушить эту... это... – эльф не нашел нужного слова, – и предать тело земле.

– Это называется «скагалла», – назидательно сказал спригган, – а трогать ее нельзя. Даже если тебя почему-то не убьет внешним кольцом, эта зараза, – он кивнул на висельника, – здорово кусается. А трупный яд никому на пользу не идет.

– Кстати, хорошая скагалла получается только из трупа насильника девственников.

После этого замечания дисы сочувствие Аолена к повешенному заметно поубавилось, и они пошли своей дорогой, подальше от проклятого места.

– Странные дела творятся нынче в Староземье, – воскликнула Энка, когда ближе к вечеру они наткнулись на вторую скагаллу, – интересно, кто их ставит?

– Может, лазутчики Инферна? – предположила Меридит. – Или Багора? Мне кажется, в заборах с головами есть нечто некромантское.

У Хельги тоже было ощущение, что без Багоры дело на обошлось.

– Лучше нам убраться подальше, пока совсем не стемнело.

– А смысл? Уходя от одной ска... как ее? мы приближаемся к другой.

– Все-таки безопаснее быть посредине между ними, чем сидеть рядом.

Компания прибавила шаг.

Солнце вскоре село, и весеннее тепло сразу сменилось промозглостью. Ветер насквозь пронизывал довольно легкие одежды путников, заставляя даже дису недовольно морщиться. У Хельги от холода и сырости разболелся бок, а Энка принялась демонстративно хлопать носом, хотя на самом деле нос ее был в полном порядке.

Местность, по которой они шли, даже под лучами солнца нельзя было назвать живописной. Свет луны придавал ей и вовсе зловещий вид. Лес справа от дороги поредел, переходя местами в сухостой, и наконец сменился болотом. Слева тянулась вереница небольших, разбухших от весенней влаги полей. Выглядели они на редкость неухоженно. Весна ли была еще слишком ранняя, или местные жители не очень обременяли себя трудом, можно было только гадать.

За полями лежала цепь холмов, похожих на лысые затылки подземных великанов. На одном из них зоркий глаз эльфа различил валуны надгробий.

– Отвратительное место! – жаловалась сильфида. – Справа болото, слева не лучше. Я чувствую себя как в ловушке. Давайте куда-нибудь свернем, а?

– И куда же? – ухмыльнулась диса. – На тебя не угодишь. Шли лесом, ныла: «Пошли на дорогу», теперь тебе не нравится дорога.

Хельги с тоской оглядел окрестности:

– Я думаю, надо нам остановиться. Мы довольно далеко отошли от последней скагаллы и дальше будем только приближаться к следующей, если она есть.

Энка вытаращила глаза:

– Ты собираешься ночевать здесь?! Прямо на дороге?!!!

– Нет, я, пожалуй, залезу в болото. Вдруг мне там понравится?

Все же они сошли с пути и укрылись от ветра и посторонних глаз за густым кустом ракиты, одиноко красовавшимся на окраине поля. Энка ворчливо уверяла, что местные зем-лепашцы нарочно не вырубили растение, чтобы было где справлять нужду. Тем не менее они с удовольствием поели и стали устраиваться на отдых.

Прежде чем улечься, буруемаемый дурными предчувствиями эльф украдкой заключил место ночлега в защитный круг. Так же поступили спригган и диса; последняя – скорее для очистки совести. Она была не в ладах с магией, и ее защитные круги действовали в одном случае из десяти.

Одна только беспечная Энка без лишних церемоний завалилась в ложбинке. Но спала она недолго, ей захотелось по-малому. Мысленно ругая себя за то, что тайком хватанула на ночь вина из припасенной дисой бутылки («если кто простудится или рану промыть»), и теперь вот приходится вылезать с нагретого места на холод, Энка поднялась, сделала несколько шагов и со всего маху врзлась в невидимую преграду. Отлетев, девица рухнула на спину и издала такой вопль, что остальные подскочили.

– Ты чего? – Хельги сонно моргал и потирал подбородок, задетый чьим-то локтем. – Чего ты орешь?

– Оно меня не пускает! – Сильфида яростно ткнула пальцем в пустоту.

– А куда ты собралась? – Спригган еще плохо соображал.

– А куда, по-твоему, ходят ночью? Предупреждать же надо! Или вы хотите, чтобы я делала это прямо здесь?

– Я не хочу, – быстренько сориентировался Хельги. Он стер ногой отрезок зачарованной линии. – Иди себе!

И она пошла, подгоняемая злостью. Звук, который она издала, не шел ни в какое сравнение с ее первым воплем. Аолен в смущении закрыл лицо руками. Меридит повалилась на землю, визжа от хохота.

– Вы что, сговорились. – Энка буквально клекотала от ярости. – Сколько вы наставили этих проклятых кругов?!

– Три... ой, не могу!.. Три, я полагаю! – сквозь смех выговорила диса. Она встала и двинулась к границе круга, но вдруг резво отскочила назад: – И правильно сделали, между прочим! Вон там, видите?!

То, что они увидели, заставило даже Энку на время позабыть о своих горестях. Десятки белых человеческих фигур в длиннополых одеяниях стекались к ним из-за холмов. Скоро некоторые из них подошли так близко, что стало ясно: это вовсе не люди.

– Вот пакость! – плюнула сильфида. – Не терплю упырей!

– Скажи нам спасибо. Иначе ты могла бы уже составить им компанию.

– И ничего подобного! Если бы не ваши дурацкие круги, я не заорала бы и они бы нас вовсе не нашли. А теперь что мне прикажете делать?

– Вырой мечом ямку и садись прямо тут. Мы отвернемся, – присоветовала диса.

– А они? – Девица возмущенно кивнула на вампиров, некоторые уже шарили руками по невидимой стене. – Думаешь, они тоже отвернутся?

– Какой смысл стесняться упырей? – влез в дамскую беседу Хельги. – Мы утром уйдем, и вы никогда больше не увидите.

– Ты идиот, – отрезала сильфида, – мало ли с кем я не увижусь, это не повод, чтобы... короче, если вы сейчас же ничего не придумаете, я вас просто покалечу.

Придумал Аолен, снедаемый чувством вины. Эльф пририсовывал к главному кругу меньшие полуокружности, одну за другой, стирая границы между ними и проложил таким образом дорогу в глубь куста.

– Только скорее, – предупредил он. – Надежны лишь правильные окружности.

– Это уж как получится! – Сильфида с достоинством удалилась.

Несколько часов компания провела без сна. Слишком неуютно находиться в плотном кольце вампиров, тщетно, но упорно пытающихся пробить тройной заслон. Это было отвратительное зрелище! Колыхающаяся масса пропахших гнилью тел в полуистлевших саванах, оскаленные зубы, синюшные рожи, прижимающиеся к незримой стене. Они были совсем рядом, в трех шагах...

Внутри круга никто точно не знал, как действует укус вампира на представителей его народа, упыри – напасть человеческая. Хорошо бы и не узнать никогда!

– Сколько их тут! – нарушил молчание Хельги. – Штук двести, не меньше.

– Не иначе целый поселок, а то и два, – со знанием дела откликнулась Меридит. – Теперь понятно, отчего в округе такое запустение. Странно, что местные власти не принимают никаких мер. Это как моровое поветрие: стоит завестись в селе вурдалаку, за год полсела переселяется на кладбище. А хозяйству ущерб.

– Если это вурдалаки, чего они к нам лезут? – угрюмо возразила Энка. – Они должны свою родню грызть, а мы даже не люди.

– Кончилась у них родня, перегрызли всю. Оголодали, вот и кидаются на что попало. Если бы не ты, спали бы и ни о чем не беспокоились. А теперь сиди любуйся!.. Пшли прочь, окаянные!

Меридит запустила в толпу камень. Упыри на миг отпрянули, но тут же навалились снова.

– Всякому может приспичить, – огрызнулась сильфида.

– Нет, не всякому. Это ты накаркала прошлой ночью в яме.

– Дура суеверная! Карканье тут ни при чем. Это твое дурацкое винище так действует, – проболталась Энка.

– А какого демона ты хватала мое вино?! – завопила дуса. – Я же ясно сказала, зачем оно! Пьяница несчастная!

Даже привычному Хельги приходилось несладко, когда девицы сцеплялись по-настоящему. Чего уж говорить о вампирах, чья стихия – это кладбищенская тишина. К ТАКОМУ бедные твари оказались совершенно не готовы морально. Неизвестно, что их прогнало – переходящий в ультразвук визг или сноп белых искр, летящих в разные стороны от взбешенной сильфиды.

– О! Смотрите-ка! Убрались! – радостно воскликнула Меридит, отирая кровь с расцарапанной щеки.

– Ага! Не нравится! – рассмеялась Энка, снимая с головы пучки выдеранных волос.

В рукопашном бою каждая из девиц одним ударом кулака сбивала с ног дюжего орка, ломала челюсти, сворачивала шеи. Но между собой они дрались, как бабы на базаре: царапались, кусались, вырывали космы и орали дурным голосом. Заканчивались драки внезапно, без победителя и побежденного, обе тут же забывали о ссоре, и все шло как всегда.

Вот и теперь недавние противницы мирно завалились спать. Хельги и перепуганный эльф последовали их примеру, и вся четверка без помех проспала до самого утра.

Что делали в это время вампиры, возвращались или ушли совсем, осталось тайной. Но с той ночи Хельги чертил защитный круг всегда. Аолен не делал этого больше никогда.

Последнее время эльфа не покидало странное ощущение нереальности происходящего, он жил как во сне. Весь его мир, прекрасный, духовный гармоничный, оказался вдруг перевернутым. Жизнь предстала перед ним другой, совершенно незнакомой и довольно неприглядной стороной. Страшное стало привычным, неприличное – обыденным, невыносимое – повседневным.

Чувство превосходства, которое он сперва испытывал к троем своим спутникам, теперь иссякло. Он сознавал: к этой уродливой новой жизни они приспособлены куда лучше его несмотря на свое происхождение, безнравственность и дурные манеры (или благодаря им?). Возможно, поэтому он до сих пор не расстался с ними? Чтобы доказать что-то самому себе?

Следующие несколько дней пути отличались редким однообразием. Погода стояла серая, ландшафт был унылым, несколько встреченных сел – бедными, но целыми, зато каждое с «амулетом» Багоры на окраине. Видимо, здешние кланы еще не прознали, как обошлись люди с их родичами.

Аолен с огорчением заметил, что уже привык к виду мертвых голов своих соплеменников и не ощущает прежней боли – лишь досаду и злость.

– По крайней мере ясно, что мы на верном пути, – вздыхал Хельги, следуя пословице «нет худа без добра».

Скагаллы больше не попадались, упыри не беспокоили, еда заканчивалась, и Энка все настойчивее призывала заняться грабежом. Меридит отговаривалась тем, что ей лень. Эльф понимал – такое занятие его спутникам не в новинку. Но это его уже не шокировало.

На десятый день пути они вышли к большому перекрестку. Старую Уэллендорфскую дорогу пересекал широкий современный тракт, ровный, мощный булыжником.

– Ну и куда теперь?

– Туда! В кусты!

Меридит первая слышала топот марширующей колонны. Так шумно могли ходить только люди, а людям лучше было не попадаться на глаза.

Они залегли в кустах, разглядывая марширующих солдат.

– Представь себе, что ты Багора, – спросила Энка Хельги, – куда бы ты пошел?

Хельги представил:

– Я бы свернул на восток.

– Это почему?

– Насколько я знаю географию, на западе от нас леса Ольдона, эльфов там нет. Земли кланов лежат к востоку. Если цель этого выродка – стравливать людей и эльфов, на западе ему делать нечего.

– А прямо?

– А прямо выйдем к Эскерольду.

– Вот именно. Большой город. Там тоже наверняка есть эльфы. – Энка очень любила спорить.

– В Эскерольде эльфов нет. Там правит секта магов-кальдорианцев, они не допускают в город никакой другой магии. Нас с Меридит и то не пустили, а уж некроманту и соваться нечего. К тому же Эскерольд – тупик. За ним почти нет обжитых земель, только горы с троллями и кобольдовыми ямами. В восточном же направлении – плодородные земли до самой реки Венкелен, дальше – поселки лесорубов и рыбаков, потом – дорога на Понит, а рядом уже – Безрудные горы, где живут горные эльфы. Через горы идет Северный Перевал, за ним – русло Иткелен, а течет та река...

– В Инферн! – подытожила Меридит.

– Географ ты наш! – умилилась сильфида.

С точки зрения Аолена, это был комплимент, но Хельги почему-то обиженно фыркнул.

Тракт оказался оживленным. Проходили колонны солдат в форме с гербами Ольдона, Эттесса, Ламарлина и Срединных герцогств – Староземье стягивало силы навстречу неприятелю.

С запада двигались обозы, груженные рыбой, углем и дегтем, изредка проезжали набитые барахлом кибитки первых беженцев. Люди заблаговременно уходили от войны. Именно люди. Ни одного эльфа не встретили они на дороге за несколько дней пути.

– Раньше их здесь было полным-полно – и лесных, и горных, – вспоминал Хельги. Он бывал в этих краях в детстве. – Это было самое их торговое место. Сюда даже фьординги приходили, специально с эльфами торговать – они шелк хорошо брали... Куда все подевались?

– Прячутся, – решила Меридит, – надо и нам.

– А мы что делаем? – Энка, как всегда, была недовольна. – Не столько идем, сколько под кустами сидим. Так за год никуда не доберемся!

– Ты куда-то спешишь? – удивился Хельги.

– Нет. А только я не заяц, чтобы под кустом жить.

Для удовольствия сильфиды решено было сойти с дороги и сделать большой переход лесом. Но сначала следовало запастись едой.

– Вон поселок, – показала Меридит, – надо зайти и чего-нибудь добыть.

– Может, лучше поохотиться в лесу? – осторожно спросил эльф.

– И не пытайся! Он этого не допустит, проверено годами! – Сильфида кивнула на Хельги: – Он будет распугивать дичь, сбивать твою стрелу на лету, а потом говорить, что ты сам косой. Он только рыбу дает ловить.

Аолен снисходительно усмехнулся про себя. Еще никому никогда не удавалось сбить стрелу эльфа, даже пущенную из безобразного человеческого лука. Эльфы – непревзойденные стрелки, это всем известно...

– Зайти ночью и взять что надо, – упрямо твердила Энка, – или на обоз напасть.

Девушка уже давно провожала обозы нехорошим взглядом.

– По-моему, лучше не обострять ситуацию, – возразила диса. – И без нас вокруг демон знает что творится. Купим как порядочные, и все.

– На что купим? Натурой расплатимся?

Меридит незаметно пнула подругу ногой, косясь на эльфа, и вдруг, ко всеобщему удивлению, добыла из кармана довольно объемистый кошелек:

– Вот!

– Где взяла?! – подскочила Энка.

– Часть – еще в Уэллендорфе, у квартальных, часть – в том селе, где еду брали. А это, – она показала несколько крупных золотых монет, – это вы вчера спали, а я у одного проезжего тысячника прямо из кармана... – Она посмотрела на Аолена и смутилась. – Заклинание такое есть на золото. Я просто проверяла, действует или нет.

– Порядочная ты наша! – умилилась Энка.

Идти за покупками всей компанией не решились. Эльфийская природа Аолена была слишком очевидной. Хельги вновь ожесточенно доказывал, что на эльфа непохож вовсе, и вообще, народ в здешних краях толковый, сприггана от эльфа отличить сумеет, но и его оставили в лесу. Энка же с Меридит, пока не давали волю рукам, вполне могли сойти за человеческих девчонок-маркитанток. Правда, диса была высоковата, а сильфида – очень уж рыжая, но «мало ли каких странных людей не бывает», как мудро заметила последняя.

Село оказалось большим, как целый городок, и богатым. Здесь даже крыши крыли черепицей, а не тростником или соломой. Прямо вдоль тракта раскинулись торговые ряды.

Девыцы быстро загрузились провизией в ближайшие лавках, и совсем уж было собрались уходить, но наткнулись на трактир.

– Я пива хочу, – сказала Меридит.

Энка тоже хотела пива, вернее, она хотела подразнить Хельги, что пила пиво, а он – нет.

Грязноватый трактир был битком набит солдатами, по всему видно – новобранцами. Юные, бритые, развязные, они неумело напивались, хвалясь друг перед другом дурной хмельной удачью. Появление двух девыц вызвало у малолеток целую бурю восторга.

– Эй, крошки! Вы откуда? Ну-ка давайте к нам! Ах какие! – вопила пьяная солдатня.

Меридит раздраженно фыркнула. Тот, кто назвал ее «крошкой», едва доставал дисе до плеча.

– Ну что, порезвемся, а? – подлетел самый бойкий, ухватил ее за руку, хотел обнять, но не смог, упал. Окружающие вообразили, что спяну.

– Может, и правда того... погуляем? – засомневалась Энка. – Смотри, вон тот, рыжий, вроде ничего.

Меридит отрицательно покачала головой:

– Заразу подцепим. Это же регулярные отряды из герцогств.

– Какая зараза?! Это же крысенята! – Так называли новобранцев в среде Белых Щитов.

– Нас ждут. Пошли.

– Можно подумать, это так долго! – проворчала Энка, но все же двинулась к выходу.

Не тут-то было! Девыц взяли в кольцо – не хуже чем упыри.

– Ну и что делать? – Энка аккуратно отпихивалась от ближайшего солдата, не желая ему слишком навредить. Он ей понравился.

– Бить, что еще? – рявкнула диса.

Она здорово разозлилась. Ее, сотника Кансалонской гильдии, обложили, будто трактирную девку, бритые крысенята! А у дурной сильфиды одни развлечения на уме! Нет бы сразу уйти! А теперь вот придется перебить кучу народа, потому что они ее уже достали!!!

Все это она и высказала дурной сильфиде на атаханском наречии, ставшем едва ли не официальным языком наемников. Она никак не рассчитывала, что кто-нибудь из присутствующих ее поймет. Но такой человек нашелся. За столом в углу дремал никем не замеченный старый капрал, приставленный приглядывать за сопливыми вояками.

Услыхав атаханскую речь, он подскочил, растолкал своих подопечных и вытаращился на девыц. Так и есть! У каждой на шее блестел медальон, – капрал знал, хорошо знал такие медальоны. Знал, кому позволено их носить и что способен сделать обладатель подобной вещицы с вверенным ему, капралу, контингентом, если как следует разозлится.

Капрал действовал решительно: вытянулся перед девыцами во фрунт, взял под козырек, а потом при помощи грязной площадной брани очистил трактир от перепуганных подчиненных.

– Засветились, – прокомментировала диса.

Энка состроила обалдевшему трактирщику козью морду. С тем и удалились.

Выслушав рассказ о происшествии в трактире, эльф ужаснулся низости людей, грязно нападающих на беззащитных девушек («Они ведь считали их беззащитными!»), Хельги, наоборот, повеселился, а потом предложил поскорее убираться в лес.

Скоро они углубились достаточно далеко в чащу, чтобы можно было не опасаться возможного преследования.

Лес им понравился: светлый, стройный, почти без подлеска. Ни бурелома, ни злых колючек, ни гнилых болотин – приятный, ухоженный лес.

– Хорошо! – Энка развалилась во мху, толстым слоем заполнившем канавку. Мох пружинил, будто настоящий шерстяной матрас.

Путники успели плотно поесть и отдохнуть, прежде чем начались новые неприятности. Едва они отошли на сотню шагов от места привала, их остановили.

– Замри! Ни шагу дальше! – скомандовал звонкий голос откуда-то сверху.

Среди ветвей огромной сосны обнаружился стрелок. Эльф был облачен в маскирующие одежды, цветом сливавшиеся с хвоей. Хорошо заметна была только сверкающая стрела, готовая в любую секунду сорваться и поразить цель. Эльф заметно нервничал.

– Да стоим мы, стоим, не дергайся! – без особого почтения крикнула Энка. – Чего тебе надо?

– Никто из людей не смеет более переступать границу нашего леса! – В голосе стража звучал металл. – Вас ждет суровая кара!

– Где ты видишь людей? – возмутилась сильфида, она явно решила взять на себя переговоры. – Глаза протри, если не совсем слепой.

Аолен охнул. В роли дипломата Энка не выдерживала никакой критики. В среде эльфов-стрелков зоркость считалась одной из главных доблестей, а обвинение в слепоте – неслыханным оскорблением. Надо вмешаться, пока дело не зашло слишком далеко!

Он разразился длиннейшей тирадой на эльфийском наречии, столь красивом и певучем, что Хельги одолела зевота. Спригган всегда так реагировал на музыку.

К счастью, речь Аолена достигла желаемого эффекта. Стрелок опустил лук и церемонно раскланялся:

– Я приношу свои извинения за то, что неосторожно принял вас за презренное людское отродье.

Хельги присвистнул. Здорово же люди достали эльфов, если первородные так выражаются!

– Да ладно, переживем, чего там! – миролюбиво отвечала Энка. – Ты тоже извини, если что.

Но эльф, очевидно, решил, что, принося извинения, вполне достаточно унизил свою персону перед чужаками. Он спрыгнул с сосны, тон его обрел былую властность.

– Вы пойдете со мной. Хранители клана решат, как поступить с вами.

– Да щас! Больше нам делать нечего, как ходить... Ай! Ты что?!

Меридит больно ткнула склочную сильфиду в бок. Ей ужасно хотелось хоть раз в жизни увидеть своими глазами, как живут эльфы. Однажды ее старшая сестра Ингрид попала в эльфийский город на юге Лесов Кланов и с тех пор часто рассказывала, какая там красота. К сожалению, города эти обладали магическим свойством не показываться на глаза посторонним. Как-то они с Хельги целенаправленно прочесали рощу, про которую точно знали, что в ней есть поселение небольшого клана, но ничего не нашли. И вот такой случай!

Аолена приятно удивила покладистость, с которой был выполнен приказ лесного стража. Эльф уже достаточно хорошо знал своих спутников, чтобы ожидать от них более агрессивного поведения.

– Рад, что вы проявили благоразумие! – шепнул он. – Закон северных кланов позволяет стражу на месте уничтожать сопротивляющихся. И даже я не смог бы ему противостоять, человеческое оружие слишком неудобно.

Энка вскинула на Аолена искренне изумленные глаза:

– Ты что? Ты серьезно полагаешь, что какой-то паршивый эльф может с нами справиться?!

– Тактичная ты наша! – радостно отомстил Хельги.

Около часа брели они за провожатым, постоянно петляя и поворачивая. Лес вокруг менялся на глазах: эльфийская магия постепенно замещала природу, казалось, даже время текло иначе в их владениях. Под ногами вместо прошлогодней опавшей листвы расстелился

зеленый ковер густой молодой травы. Ветви деревьев уже украшала свежая листва, такая бывает обычно только к концу мая. Сами деревья становились все толще и выше.

– Коэлн! – В голосе Аолена звучала теплота, он украдкой погладил морщинистый ствол гиганта.

Энка заметила это и фыркнула.

Наконец они остановились, и страж дал им возможность оглядеться.

Ингрид не преувеличивала. Красота казалась нереальной.

Путники стояли на поляне, окруженной исполинскими коэлнами. Стволы деревьев были удивительной толщины. По выражению Энки, «на пенечке от такой громадины можно построить хороший трактир, и фундамента не надо». Хельги ее за это стукнул. Ему показалась кошмарной сама мысль, что подобное чудо можно превратить в пень.

Деревья росли плотно, ветви их сплелись между собой, потому с земли было трудно заметить широкую платформу, укрепленную на толстых сучьях. Получалась своеобразная воздушная галерея. Подняться на нее можно было по веревочным лестницам, свитым из прочного шелка, из таких же нитей, гладких и крепких, были сотканы серебристо-зеленые эльфийские шатры, установленные на галерее.

Поверхность шатров накрывал нежный расписной узор: цветы, листья, бабочки и сказочные птицы.

Вершины коэлов смыкались где-то на почти недостижимой высоте, образуя кольцо. Солнечные лучи косо падали через этот естественный люк, образуя замкнутое, но фантастически огромное пространство: казалось, ты стоишь в гигантском зале под сводом купола. В самом центре этого зеленого пространства лежали два озера почти правильных круглых очертаний. Поверхность одного была темной и неподвижной, оно казалось загадочным окном в иной мир. Второе мерцало и переливалось опаловым светом. Берега озер обрамляла россыпь белых, искрящихся как свежий снег камней, а вокруг него, среди невысокой голубоватой травы, росли нежно-розовые цветы с дивным запахом. Другие цветы, тоже розовые, но очень крупные, плавали на поверхности воды.

Между озерами располагался еще один шатер. Большой, бело-золотой, расшитый речным жемчугом, он поражал своим богатством и великолепием.

В глазах Аолена светилась гордость. Наконец-то его спутники получили возможность сравнить свой грязный, жестокий, злобный мир с чудесным миром эльфов.

Меридит и Хельги ошеломленно молчали, совсем подавленные немислимой красотой. Только Энка была в своем репертуаре. После кристальных дворцов Сильфхейма зеленый чертог эльфов казался ей чем-то вроде летней беседки-переростка, она не разделяла общего восхищения и тихо ворчала, что они зря теряют время.

– Правда, потрясающе! – обратилась Меридит к Хельги. – Эй, проснись!

Вид у спригана был задумчивый и отрешенный.

– Правда! Никогда не встречал такие заросли гиацинтов! А вот это, на воде, – лотос. Точно лотос. *Nelumbium magna*! В наших-то широтах! А что это за деревья – даже не представляю!..

– Тьфу, – плюнула дуса. – Кто о чем!

Стрелок подвел пленников ко входу в шатер.

– Ожидайте здесь, – распорядился он, – не двигайтесь с места.

– И ничего не трогайте, – добавил Хельги, – замечательный образчик гостеприимства. Хоть бы сесть предложил!

Несмотря на отсутствие приглашения, он все же уселся на землю и принялся разглядывать гиацинты, они ему всегда нравились.

Меридит тарасилась по сторонам, стараясь увидеть и запомнить как можно больше, чтобы было чем хвалиться перед Ингрид.

Аолен смиренно стоял там, где поставили. Он чувствовал себя не в своей тарелке, хотя местный клан был давним союзником его собственного – и можно было рассчитывать на теплый прием. Эльф постарался разобраться, в чем причина его душевного дискомфорта, и признался самому себе: ему неловко быть застигнутым в компании с дурно воспитанными онельнами. Он только и мечтал, чтобы спутники его не выкинули чего-нибудь из ряда вон выходящего и не опозорили его окончательно. И почему бы им не постоять на месте, как было приказано?!

Не тут-то было! Энка подалась к светлому озеру и обнаружила, что в нем водится рыба – красивая, ярко-красная рыба, с хвостом, похожим на веер. К ней, разумеется, тут же прискакал Хельги. Недолго думая, он ловко схватил одну из рыбешек, рассмотрел и осторожно выпустил. Затем они вдвоем перешли к темному озеру – выяснить, кто водится там. Откуда им, невеждам, было знать, что это Озеро Вечного Забвения? Слава богам, купаться не полезли! С них стало бы!

– Скажи, – не выдержав, обратился раздраженный Аолен к Меридит, – они всегда ведут себя так... бесцеремонно?

Девушка чуть заметно оскалилась:

– Нет. Только когда с ними обращаются аналогично. В других случаях они вполне милы.

– Интересно, где у них все? Повымерли, что ли? – заорала от озера Энка.

– Сейчас время предзакатного сна, – Аолен был рад сменить тему, – эльфы отдыхают в своих шатрах. Но думаю, к нам скоро выйдут.

– Да уж, раз здесь Энка, выспаться никому не удастся! – с удовлетворением заметил Хельги.

Так оно и вышло. Первым объявился их провожатый. Он стоял на галерее и всем своим видом выражал возмущение.

– Я же велел вам оставаться на месте! А вы своевольничаете и нарушаете криками покой клана! Такова ваша благодарность за то, что с вами обошлись как с гостями, не связали и не разоружили?

– Благодарствуйте, дяденька! – пискнула Энка тоненьким дурашливым голосом. – Спасибо, что не связали дорогих гостей!

Эльф побледнел от злости:

– Я приказываю вам...

– С чего ты воображил, что можешь нам приказывать? – резко перебил Хельги. Глаза сприггана вспыхнули нехорошим желтым огнем.

Меридит и Энка встревоженно переглянулись. Шутки кончились. Слово «приказ» действовало на воспитанника фьордингов как красная тряпка на быка. Даже кансалонские тысячники предпочитали отдавать ему распоряжения в нейтральной форме: «Было бы неплохо, если бы сотник Ингрэм...» Но эльф этого, разумеется, не знал.

– Одно то, что я сохранил вам жизнь, дает мне право приказывать.

– Большой вопрос, кто кому сохранил жизнь. И главное – зачем? Впрочем, это легко исправить...

– Хельги, уймись! – воззвала Энка. – Мы не будем нападать на клан.

Этим она лишь усугубила ситуацию.

– Почему – не будем? – громко и отчетливо спросил спригган. – Лично я буду. Может, я за этим сюда и пришел? Страсть люблю повоевать с эльфами!

Такой наглости эльф не выдержал. Он схватил лук.

Разумеется, он не собирался проливать кровь в Сердце Общего Дома клана, хотел только эффектно пустить стрелу под ухом противника – продемонстрировать, кто тут хозяин.

Но замысел не удался. Изящная серебристая эльфийская стрела упала на полпути, расщепленная пополам другой стрелой, толстой и грубой.

– И чего ты ругал человеческие луки? – спросил Аолена довольный Хельги. – Вполне приличные. Стеляют.

Посрамленный стрелок проворно спустился с галереи и поднял обе стрелы. Держал с отвращением, будто змей.

– Этого не может быть! Это магия! Грязная, лживая магия! Никто не может соперничать с нашим народом в великом искусстве стрельбы!

– Правильно, – понимающе кивнула Энка. – Если ты умеешь стрелять – это великое искусство, а если кто другой – грязная, лживая магия. Замечательная жизненная позиция! Выгодная!

А Хельги преспокойно уселся на землю и занялся гиацинтами. Больше он не злился – знал, что попал в самое больное место заносчивого эльфа, и считал такую месть вполне достаточной.

Возможно, оскорбленный стрелок и захотел бы предпринять чего-нибудь еще, но не успел. Пятеро статных эльфов в длиннополых серебряных одеждах сошли с галереи и торжественно прошествовали к шатру.

При появлении их оба эльфа – и Аолен, и стрелок – склонили головы, а Хельги счел благодарным отвлечься от растений и подняться на ноги. Из вежливости. Он же был культурный спригган, а не дикий фьординг.

Меридит во все глаза рассматривала явившихся. Таких эльфов ей встречать не приходилось. Те, кого она знала по университету, видела в городах среди людей, даже на Кансалонском рынке наемников, принадлежали к новому поколению первородных и были молоды даже по человеческим меркам. Пороки юности не обходили их стороной, они были самонадеянны, горды, безрассудны, подвержены влиянию извне и совершенно не соответствовали классическому литературному образу мудрого, светлого эльфа, оплота сил Добра.

Эти пятеро были другими. Настоящими. Прекрасными, величественными и СТАРЫМИ. Нет, возраст никак не сказался на их внешнем облике, не было в них ни дряхлости, ни старческой немощи. Лица не бороздили морщины, в темно-зеленых волосах не проглядывала седина.

Диса вгляделась в серые глаза эльфов. Она читала, что именно в глазах отражается великая мудрость первородных.

Нет, дело было не в глазах, во всяком случае, так ей показалось. Просто от них исходили СИЛЫ. Но не привычные Силы Стихий, на которых основана почти вся современная Законная магия. Иные.

Проявления эльфийской магии Меридит наблюдала неоднократно, вспомнить хотя бы те же радужные шарики. Наблюдала, но не чувствовала. Дисы, как и люди, довольно инертны к магии. Но сейчас концентрация сил была столь велика, что даже Меридит их ощутила, не говоря уж о притихших Хельги и Энке. Но если Силы Стихий всегда вызывали у нее чувство опасности, беспокойство, то эльфийские, наоборот, несли умиротворение, легкость, радость.

– Оэннон! Хранители клана! – с восторгом шепнул Аолен. – Кто бы мог подумать, что нас удостоит такой чести! Я думал, нам просто объявят их волю...

Эльф был потрясен до глубины души. Он еще никогда не говорил лично даже с Оэннон собственного клана, и вдруг чужие Хранители сами выходят ему навстречу!

Стрелок был удивлен не меньше, даже в лице изменился. Еще раз поклонившись, он заговорил быстро и гневно. Мелодичные звуки эльфийской речи сливались – казалось, что эльф поет красивую песнь. Но содержание его речи по красоте явно уступало форме: лица Хранителей темнели, а Аолен порозовел от возмущения, но стоически молчал. В отличие от стрелка, он умел подобающе вести себя в присутствии Оэннон!

– Довольно! – резко поднял руку Хранитель. Он говорил по-староземски. – Довольно ты, Эом, компрометировал наш клан своей бестактностью и заносчивостью. Тебя обуяла гордыня

– ты справедливо и честно посрамлен. А за то, что ты осмелился обнажить оружие в Сердце Общего Дома, тебя ждет суровая кара. А теперь удались.

Белое лицо Эома пошло красными пятнами, он бросил на сприггана уничтожающий взгляд и скрылся за деревьями.

Теперь внимание Хранителей сосредоточилось на пришельцах.

– Приветствуем вас, о чужеземцы, в Сердце Общего Дома клана Иллио. – нежно звенящим голосом заговорила одна из Оэннон. – Нам известно все, что произошло с того момента, как вы ступили на землю клана. Мы глубоко сожалеем, что с вами обошлись так негостеприимно, и во искупление вины просим разделить с нами трапезу.

Она сделала приглашающий жест в сторону белого шатра.

– Грядут тяжелые времена, тяжелые для всех народов, и, возможно, обмен сведениями принесет обоюдную пользу.

– Никогда еще меня не вызывали на допрос так галантерейно! – шепнула Энка.

– Галантно, – поправила ее диса.

К чести эльфов, прежде чем приступить к допросу, они позволили гостям (или все-таки пленникам?) как следует насладиться едой, исключительно вкусной и питательной.

– Хорошо, что я не эльф, – отметила диса, – через месяц такой жизни я бы ни в одну дверь не пролезла!

– А у них нет дверей, – утешил Хельги.

Разговор начался сразу после еды. Сперва Хранители представились. Имена их состояли едва ли не из одних гласных и звучали так одинаково, что запомнил их только Аолен. Потом перешли к вопросам. Кто они? Куда идут? Почему оказались на земле клана?

Спригган толкнул Аолена ногой под столом:

– Говори ты! У тебя лучше получится!

Молча, с горестными лицами выслушали Хранители рассказ об уэллендорфской резне, о Багоре и страшных амулетах, упырях, скагаллах, уничтоженных селениях и грядущей войне миров.

На какое-то время в шатре воцарилась тишина. Очень некстати для Энки. На нее как раз напала икота – переела, а из своего кисейного сильфхеймского детства она вынесла одно твердое убеждение: икать за столом неприлично. Где угодно, только не за столом! Она сдерживалась из последних сил.

Наконец Старший Хранитель заговорил, и страдальца смогла шумно перевести дух.

– Мы знали, – вещал Оэннон, – что великое зло грозит Староземью, но не думали, что оно подступило уже так близко! Мы самонадеянно решили, что сил наших хватит укрыться от беды, не позволить ей затронуть нас. Мы жестоко ошибались. Первый удар выпал на долю нашего народа. Вы принесли горькие вести, пришельцы, но любые вести лучше неведения. Теперь нам понятна причина вероломного нападения людей на наших торговых посланников. Мы знаем, что нас ждет. Мы благодарны вам. А теперь. – Хранители дружно встали, – будьте нашими гостями, Вам покажут свободный шатер, там вы сможете отдохнуть. Вечером мы будем праздновать приход весны, и, хотя нынешний праздник омрачен... это красивое зрелище. Немногие... – эльф хотел сказать «чужаки», но осекся, – немногие видели подобное. Мы приглашаем вас. Утром же вас проводят до границы, и да сопутствует вам удача.

– Давайте сразу пойдем, – негромко сказала Энка, – чего утра-то дожидаться?

– Ну уж нет! – решительно отвечала диса. – Ни за что! Ингрид лопнет от зависти, когда я расскажу, что была на эльфийском празднике!

Распрощавшись, четверо Хранителей удалились, а пятый подошел к Хельги и положил ему руку на плечо:

– Тебе придется последовать за мной, спригган Ингрем. – Голос его звучал мягко, но настойчиво.

– Это зачем? – насторожилась Меридит.

– Он был ранен совсем недавно. Кто-то из эльфов, вероятно ваш молодой спутник, помог ране затянуться, но внутри остался обломок железа. Скоро действие магии иссякнет, и он это почувствует.

– Ну вот! – расстроился Хельги. – Вечно мне не везет. Нож у них, что ли, дефектный был?

– Не беспокойся, я знаю, как тебе помочь, идем.

Хельги бросил панический взгляд на Меридит. Он опасался врачей и прибегал к их помощи лишь в самых крайних случаях.

– Иди-иди! – велела сестра по оружию.

Прошипев что-то нелицеприятное в адрес Аолена, спригган нехотя поплелся вслед за Хранителем. На полпути их догнал Аолен.

– О Оэннон! Я изучаю целительную магию, но еще так далек от истинного знания! Позволь мне присутствовать... Только посмотреть...

Эльф мысленно ругал себя на чем свет стоит: «Забыть такую простую вещь – проверить чистоту раны! Тролль неумный! Как там Энка говорит?.. Осел сехальский!» – Аолен благожелал перед проникательностью Хранителя и не сразу решился обратиться с просьбой.

– Похвально, что ты стремишься совершенствоваться. Идем, мне может потребоваться помощь, а для тебя это будет хорошая практика, – улыбнулся старый эльф. – И не переживай. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Аолен просиял, а Хельги тихо буркнул, что вовсе не желает, чтобы на нем практиковались недоучившиеся эльфы.

Они поднялись в шатер на галерее. Хельги уложили на низкое белое ложе, от одного вида которого по коже шел мороз, дали выпить зелье, пахнущее травами. Перед глазами его все поплыло, и он заснул.

Спустя два часа Аолен вошел в шатер, отведенный для гостей. Девушки лежали на коврах и со скуки читали исторические хроники. Вернее, Меридит читала вслух, на ходу переводя с эльфийского. Было забавно сравнивать, насколько иначе, чем люди, оценивают эльфы одни и те же события. Например, Великий Карол Освободитель, памятники которому наставлены по всему человеческому Староземью от Понита до Оттона, в описании эльфов выглядел сущим разбойником с большой дороги.

– Ну что? Вытащили? Как он там? – отложила манускрипт дика.

Эльф виновато вздохнул и признался:

– Сначала было не очень... Обломок ножа застрял в ребре, у спригганов кости такие волокнистые!.. Как это я пропустил? Но теперь все в порядке. Завтра он будет совсем здоров.

Меридит больше всего хотелось поскакать и убедиться лично, что с Хельги все в порядке, но она подавила это стремление, опасаясь, как бы ее не сочли слишком чувствительной. Дика такое не к лицу.

Зато Энка улучила момент, когда Хранитель вышел, и проникла-таки в шатер к Хельги. Он возлежал на шелковых подушках, бледный и несчастный.

– Ну что? Больно было? – спросила девушка с интересом.

– Ужасно! – с чувством ответил Хельги. – Их вонючее пойло действовало недолго, потом я проснулся, а они говорят: «Терпи, застряло!» – Кошмар! Эти лекари хуже чумы! Ближе к ним больше не подойду!

– И долго ты будешь тут лежать? Там праздник.

– Вот щас встану и пойду плясать! И вообще, уходи. Дай помереть спокойно. И пришли ко мне Меридит, пусть меня жалеет.

Итак, Меридит отправилась убаживать Хельги, а Энка уселась на краю галереи и стала наблюдать за праздничными приготовлениями.

Множество эльфов постепенно высыпало на площадь. Энка сперва удивилась, как такое их количество могло разместиться в шатрах единственной галереи, но потом случайно взглянула вверх и различила днище еще одной платформы. Присмотревшись, девица насчитала целых семь жилых уровней, и тут же решила: не сильфида она, если не залезет на самый верх и не спрыгнет оттуда.

Некоторые сильфы настолько хорошо владеют искусством левитации, что способны воспарить прямо с места и на значительную высоту. Энке пока удавалось лишь планировать сверху вниз, но даже это немудреное занятие доставляло ей массу удовольствия.

Радуюсь, что рядом нет спутников и некому ее остановить, сославшись на приличия, Энка шустро забралась наверх, обежала опустевшую галерею, высмотрела подходящее для приземления место и, после нескольких счастливых мгновений полета, шлепнулась прямо под ноги молоденькой, насмерть перепуганной эльфийке.

– О Великие Силы! – пискнула та, как только обрела дар речи. – Я так испугалась! Я думала, ты решила разбиться! Убить себя.

– Нет, – успокоила ее Энка, скорбно разглядывая помятые гиацинты. – Это я так, гм... летаю.

– Ах какой восхитительный дар! – воскликнула девушка. – Этому можно научиться?

– Не знаю, – с сомнением ответила сильфида. И честно добавила: – Лично я пока что не очень...

Праздник был великолепным.

Звучали невероятной красоты песни. Со дна озер били, переливаясь радужными струями, фонтаны, воздух сладко пах гиацинтами. Луна и звезды сияли так ярко, что даже огни фейерверков и ароматных костров не затмевали их. Эльфы водили хороводы, юные девы в венках из лесных фиалок, распустив золотые, серебряные и зеленые волосы, кружили в танце, горстями разбрасывая сверкающие хрустальные бусинки и золотые колечки (Энка «прибрала» парочку в карман).

Рекой лилось вино из серебряных кувшинов и больших прозрачных кубков. Сильфида, памятуя историю с упырями, пить не стала. А дуса вообще признавала только пиво, утверждая, что «вино есть прокисший продукт, который воину пить не пристало». Так что оценить качество благородного напитка смог один Аолен.

Веселые, счастливые, позабывшие свою обычную гордость эльфы пытались вовлечь в хоровод обеих девиц, но те отказались.

Энка со свойственной ей прямоотой заявила:

– Наши попытки танцевать испортили не один праздник.

А Меридит сдержанно добавила о коровах на льду.

Но, несмотря на свое лишь косвенное участие, обе признавали, что праздник удался на славу, и даже вредная Энка не находила повода для критики.

Зато нашел Хельги. В разгар торжества он ненадолго выполз из шатра, посмотрел с галереи на фонтаны и посетовал, что у тамошней рыбы неминуемо приключится морская болезнь.

Спать разбрелись под утро. Энка первая забралась в шатер:

– Ого! Здесь кто-то уже есть!

У самого входа скромно пристроилась девушка, та самая, что хотела научиться летать. Лицо ее было нежно-розовым от смущения, ресницы подрагивали.

– Простите... я ждала вас...

– Это моя знакомая! – пояснила Энка.

Девушка взглянула на нее с благодарностью.

– Я хотела вас попросить... очень, очень хотела попросить...

– Проси, – согласилась Меридит, – за просьбу денег не берут.

– Возьмите меня с собой! – решившись, выпалила эльфийка. – Понимаете, я должна, должна выбраться отсюда. Не могу больше оставаться в этом искусственном, замкнутом мире, ведь совсем рядом другая жизнь! Настоящая!

Энка сочувственно вздохнула. Она вспомнила себя, втиснутую в жесткие рамки Сильфхейма: шелковые платья, вышивание, песнопения, проклятые танцы... И замечания: «Дитя мое, люди приручают медведей, и даже те двигаются изящнее тебя! И не бранись, как демон, это неприлично!»

Она сбежала из дому в тринадцать лет и с тех пор жила как хотела, наплевав на все правила и приличия, – сильная, независимая и свободная. Но не один год прошел, прежде чем она стала такой, и эти годы она старалась вспоминать пореже...

– Тебе сколько лет? – спросила Меридит и тут же покачала головой. Для эльфов семнадцать лет – младенческий возраст.

– О, я не буду вам обузой! – воскликнула эльфийка. – Меня обучали военному искусству, я хорошо стреляю. Я однажды даже видала настоящую битву! И знаете, – она доверчиво вскинула глаза, – наверное, я очень жестокая, это нехорошо... но мне понравилось. Это страшно, но красиво: серебряная стрела пронзает грудь – и сраженный насмерть враг падает с прощальным стоном на устах!

Меридит стало грустно. Она уже слышала речи о красоте войны.

– А если не враг, – сказала она тихо, – и не в грудь, а пониже? И не насмерть? Представь, стрела попадает в живот, и сраженный воин катается по земле, воеет и старается ее выдернуть, а там кишки...

Эльфийка растерянно моргнула:

– Как же можно попасть в живот, если целишься в грудь?

– Ну одни вообще не целятся. Палят в белый свет, на кого боги пошлют. А другие целятся именно в живот.

Девушка заметно побледнела.

– Не пугай ребенка, дура! – шепнула Энка. – Подумаешь, кишки. Все привыкают, и она привыкнет.

Меридит вытаращила глаза и перешла на атаханский:

– Мы что, берем ее? Посмотри на нее, представляешь, что с ней будет?

– А ты представь, что будет, если мы ее оставим и она сбежит одна!

– И то верно! – вздохнула диса. – Надо брать, никуда не денешься...

Лицо девушки засияло ослепительной радостью. Если бы не желание выглядеть взрослой, она наверняка принялась бы прыгать и хлопать в ладоши.

– Теперь перейдем к деталям. – Энка села поудобнее. – Ловить тебя не будут?

– Нет. По закону, я еще не могу уйти одна, но, если меня согласятся взять в ученики, никто не вправе препятствовать.

– Уже легче. Тогда иди к себе собирайся, а утром зайдешь за нами.

– Много не набирай, – посоветовала диса, – нужно только легкое одеяло – на первое время, пока не привыкнешь, – хороший плащ, миска, ложка, оружие, какое есть, да и обувь надень поудобнее. Если есть украшения – тоже бери, их всегда можно продать, если что.

– Про вату-то ей скажите! – раздался голос Хельги, вслед за голосом объявился он сам. – А то будете, как всегда, рыскать – где взять?

– Да, – вздохнула сильфида, – вата лишней не бывает. Хорошо некоторым...

Аолен не знал, куда деваться от стыда. Эльфы никогда не говорят вслух о ТАКИХ вещах. Но девушка отважно кивнула.

– Звать-то тебя как? – спросил спригган.

– Аэлле, – представилась та и скрылась.

– Вы ХОРОШО подумали? – обратился Хельги к девицам.

– Угу, – подтвердила Энка, внезапно почувствовав себя очень взрослой и серьезной.

– Ну ладно. А то я подумал, может, вы того... перепили на празднике.

– Но это невозможно! – почти закричал немного опомнившийся Аолен. – Неужели вы не понимаете?! Это хрупкое, нежное, невинное дитя, она не вынесет вашего образа жизни! Она просто погибнет!

– Ерунда! – отрезала Энка. – Все мы были когда-то и хрупкими и нежными. Скажи, Меридит!

– Ну-у... да, – очень неуверенно подтвердила та. Она что-то не припоминала за собой ничего подобного. Разве что в самом раннем детстве, когда ходить не умела.

– Вы совсем другое дело! – не сдавался эльф. – Она же первородная, она создана для иной жизни, более возвышенной и чистой...

– А мы вроде как рылом не вышли? – холодно и грубо перебила диса.

Аолен осекся и замолчал.

Поздним утром они двинулись в путь.

Аэлле сказала правду, ее никто не останавливал, хотя лица провожающих были печальны.

Девушка уверенно вывела спутников к границе земли клана, и компания двинулась на восток, по направлению к реке.

Видимо, по контрасту с эльфийской природой, погода оказалась очень скверной. Голые деревья не спасали от ветра, почва под ногами была топкой и вязкой. Местами тянулись обширные участки кочарника. Казалось, кто-то специально из вредности расставил на пути замшелые цилиндрические земляные тумбы с таким расчетом, чтобы ногу между ними можно было ставить только боком. Ужасно неудобно! Энка попыталась шагать с кочки на кочку, но они пружинили, подошвы скользили, и очень скоро девица сверзилась вниз.

– Вот зараза!

– Зато сидеть хорошо, как на стуле, – утешал Хельги разворчавшуюся сильфиду.

Та хотела было сказать в ответ гадость, но вспомнила про Аэлле и оборвала себя на полуслове.

Ночевать пришлось под дождем, кое-как укрывшись плащами. Даже Меридит продрогла до костей, что уж говорить про бедную Аэлле. Следующее утро вновь выдалось сырым и промозглым. Все вещи пропитались водой и стали тяжелыми, мох под ногами скользил как кисель.

– Давайте костер разведем, погреемся, – попросил Аолен. Ему было до слез жаль дрожащую девушку.

– Ни одной сухой ветки нет, – вздохнул Хельги. – Если только береза попадется. Берестой можно даже в дождь огонь развести. А иначе никак.

Но береза в здешнем краю была деревом редким – и попадаться не желала.

Прошло несколько однообразно-утомительных часов пути, как вдруг Меридит остановилась и принялась:

– Чувствуете? Дымом тянет. Может, село недалеко? Надо пойти проверить на предмет голов и скагалл.

Они оглянулись на Аэлле. Девушка уже с трудом двигалась, хотя мужественно не подавала виду. Ношу ее давно тащил Аолен. Решили, что тем, у кого еще хватает сил, следует быстро идти вперед, на разведку, а эльфы пусть спокойно, не торопясь бредут следом. Шли на запах.

– Не думаю, что это дым от жилья, – вслух рассуждал Хельги, – по-моему, пахнет костром. Между прочим, некоторые предусмотрительные существа носят с собой растопку в непромокаемом мешке.

– А некоторые возят непромокаемые шатры на выючной скотине, а самые умные в такую погоду под крышей сидят им лучше всех, – проворчала Энка. – Какой толк говорить о том, чего у нас все равно нет?

– Может, пойдем назад, раз там нет села? – спросил спригган.

– Столько прошли, обидно возвращаться. Давайте посмотрим, что там есть.

– Да, – согласилась сильфида, – заодно отдохнем от эльфов. С ними даже не выругаешься как следует. Боюсь, я долго не выдержу!

– Сама говорила, ко всему можно привыкнуть.

Спустя несколько минут они вышли к широкой просеке. Хельги оказался прав, пахло действительно костром, даже двумя. Вокруг каждого сидели люди в ярких, богатых мундирах. Такую форму обычно носят придворные гвардейцы.

– Не так уж их и много, человек двадцать, не больше. Нападем? – Энку обуяла жажда деятельности.

– Чего ради? – возразил Хельги. – Сидят себе люди тихо-мирно, никому не мешают. Давайте просто поговорим с ними, вдруг они знают про Багору?

– Действительно, напасть мы всегда успеем, надо сперва поговорить, – пришла к компромиссу Меридит.

Громко хрустя ветками и всячески демонстрируя мирные намерения, троица подошла к кострам. Диса вежливо поприветствовала гвардейцев на западный манер.

– Здравствуйте и вы, – ответили те. Люди не выглядели агрессивными или настороженными, – видимо, не сочли пришельцев опасными. – Что-то не очень вы похожи на людей. Вы, часом, не эльфы, а?

– Конечно нет! – Хельги уже надоело, что его принимают за эльфа.

– Это диса и сильфида, а я – спригган.

– Спригган? – удивился один из солдат. – Из тех, что живут на севере и подкидывают своих детенышей тамошним корабелям? Про вас всякие страсти рассказывают!

– У меня нет детей, – успокоил Хельги. – А вот не слыхали ли вы про Багору?

Вопрос остался без ответа.

Из кустов в сопровождении нескольких охранников и троих вельмож появился тщедушный, нескладный подросток лет шестнадцати. Важный, в дорогих одеждах. Гвардейцы вскопили, вытянулись во фрунт.

– Взять! – заорал юнец дурным голосом, тыча пальцем и брызжа слюной. – Взять проклятых нелюдей! Изничтожить проклятых нелюдей! Бей их!

Только что мирные, те же самые люди, повинувшись приказу, ошетинились оружием и ринулись в атаку.

Очень скоро все было кончено. Дворцовые гвардейцы не самые опытные воины.

– Грустно убивать тех, с кем недавно мило беседовал, – пожаловалась Энка, – но они сами виноваты.

– Нет, не сами. Их натравил вот этот сопливый хмырь. – Диса стояла, водрузив ногу на живот поверженного врага. – Уж его-то я убью с удовольствием!

Она занесла подхваченное с земли гвардейское копьё, приготовилась нанести удар, но рука Хельги перехватила древко:

– Подожди! Не станем его убивать!

– Почему? – удивилась Энка. – Вроде бы тут нет ни собак, ни кошек, ни даже коров. Горевать о нем некому.

– Все равно не будем, – продолжал настаивать Хельги, сам не зная почему.

– Несправедливо! – возражала диса. – Перебили столько невинных подневольных людей, а этого гаденыша оставим. Зачем он тебе нужен?

Хельги пожал плечами:

- А какой смысл его убивать?
- Мне он не нравится, – заметила сильфида.
- Ну знаешь ли, если бы мы убивали всех, кто тебе не нравится, Староземье сильно опустело бы.
- Он приказал на нас напасть. Он, и никто другой.
- Это он сдуру. Он больше не будет... Ты ведь больше не будешь, верно? – Хельги пнул человека сапогом. – И вообще, пусть будет заложником. Разве нам мешает хороший заложник?
- Ну ладно, – нехотя согласилась диса, – только возись с ним сам. Смотри, он кажется в штаны напустил со страху! Тьфу!
- Да ладно, не сочиняй. Просто он упал в лужу. Видишь, тут лужа.
- Он ее сам и напустил.
- Ерунда! Человек не может столько напустить.
- Может, может! – обрадовалась Энка.
- Хельги взял девицу за руку и отвел на три шага в сторону:
- Вот гляди!
- У ног их разливалась огромная бурая лужа.
- Это тоже он, да? Просто тут болото.
- Ну хорошо, – признала Энка, – пусть будет болото. Так ты его выуди, раз он тебе нужен.
- Хельги рывком поставил пленника на ноги:
- Ты кто такой? Откуда?
- Но пленник лишь молча хлюпал и дрожал.
- Ну вот, он еще и онемел с перепугу. Охота тебе с ним возиться?
- Охота, охота. Ты что, в самом деле онемел? Или оглох?
- Энка достала нож:
- А вот сейчас проверим. Сперва мы емуотрежем нос, потом уши, потом кое-что похуже...
- Человек побелел и шарахнулся назад.
- Порядок! Слышит... А теперь говори, кто ты.
- Я... принц... Эдуард. Старший сын к... короля Филиппа, наследник Ольдонского престола, и потому... – юноша попытался придать голосу хоть какое-то подобие величия, – я требую, чтобы со мной обращались по... – он всхлипнул, – подобающе!
- Меридит и Хельги весело рассмеялись.
- Надо же, что за птичка нам попалась! – в восторге завопила Энка. – Хельги, ты умница! Хорошо, что не дал его убить! А ты точно принц? Не врешь?.. Аолен, смотри-ка, мы отловили принца!
- Эльф, а за ним его спутница вынырнули из чащи.
- Силы Великие! – вырвалось у ошеломленного эльфа, с ужасом озирающего поле брани. – Что здесь случилось?
- На нас напали, пришлось их истребить, – вздохнул Хельги. – Боюсь, делу мира это не послужит.
- Глаза Аэлле расширились:
- Вы убили... всех?
- А что нам оставалось? Если бы кто-то сбежал, по Староземью пошли бы слухи о страшных нелюдях и люди взялись бы за малые народы, – пояснила Меридит.
- Теперь все спишут на эльфов, – задумчиво проговорил Аолен.
- Это уж как пить дать! – подтвердила Энка. – Но хуже от этого не станет, люди с эльфами уже и без нас воюют.

Аэлле как зачарованная смотрела на убитых. Зрелище было кошмарным. Нож, боевой топор и меч – это не тонкая эльфийская стрела.

– Пора нам уходить отсюда, – напомнила Меридит, – пока еще кого-нибудь не вынесло. Давайте свяжем этого прынца. У кого есть, из чего сделать кляп?

Ради такого дела эльф пожертвовал носовой платок, фантастическим образом оказавшийся идеально чистым. После стольких дней пути! Энка вложила в платок пучок мха, связала концы в узел и профессионально вставила данное сооружение в рот слабо сопротивляющейся монаршей особе.

– Аэлле, пока мы собираем оружие, проверь у убитых карманы, – через плечо бросила Меридит.

Хельги хотел было возразить, но диса остановила его взглядом. Девушка отважно шагнула к ближайшему телу, нагнулась, но тут же упала на колени и разразилась рыданиями. Меридит подошла к ней, присела, обняла за плечи:

– Возвращайся домой, девочка. Это только начало, дальше будет хуже.

Она сама уже хотела вернуться. Расставание с землями клана оказалось неожиданно горьким. В голову пришла непрошенная мысль: а суждено ли ей вновь увидеть все то, что ей так дорого? Озера с цветами, величественные коэлны, возносящие кроны прямо в небо... Не станет ли ее последним приютом раскисшая обочина чужой дороги, как для всех этих людей, погибших ни за что, бессмысленно и жалко. Она хотела вернуться. Но... Аэлле покачала головой:

– Я не могу. Что я скажу дома? Мне стыдно. Я так стремилась уйти, меня даже два раза возвращали силой. А теперь и двух дней не прошло... У меня нет выхода, – сморгнула она слезы.

– Есть, – очень спокойно возразил ей спригган Ингрэм – странное существо, казавшееся ей красивым и жутковатым одновременно. – Ты скажешь, мы вели себя недостойно. Ну грабили мирных жителей, мучили пленных, посягали на твою честь... в смысле я посягал. Скажешь, что не могла дольше оставаться с нами.

Щеки Аэлле порозовели от возмущения.

– Я не могу сказать о вас такое, это ложь! Это подлая и низкая ложь!

Спригган пристально посмотрел на нее светло-зелеными глазами со странными вертикальными зрачками.

– Тогда нам стоит на самом деле проделать все это, чтобы ты имела возможность сказать правду?

– Пойдем. – Аолен взял девушку за руку.

Она пошла покорно, как ребенок...

– Фу-у! – выдохнула Энка. – Хельги, ты молодец! Я себе язык прокусила – боялась ляпнуть лишнего!

– Умница! – подтвердила Меридит. – Давай я тебя поцелую!

Дождаться возвращения Аолена решили на кочках, подальше от злополучной просеки. Но доставить туда принца оказалось делом многотрудным. Он спотыкался, падал и сдавленно пищал через кляп, выводя из себя сернистый газ. Хельги большую часть пути пришлось тащить пленника за шиворот.

Эльф вернулся наутро, грустный и утомленный ночным переходом. Он принес дурные вести. Клань объединилась и теперь собирают войско. Но война будет объявлена не Инферну, а роду человеческому.

– Аэлле очень довольна. Радует, что не пришлось вас оговаривать. Она сказала, что вернулась, узнав о войне. Тоже ложь, но не такая страшная.

– Вот и прекрасно, нет худа без добра. А почему ты не остался со своими?

– Я?... – Аолен смутился. Он и сам не знал ответа на вопрос дисы.

Зато Энка знала:

– Да потому что сехальскому ослу ясно: кто-то нарочно стравливает людей с эльфами. Значит, надо не воевать, а найти этого паразита и прикончить. Поэтому Аолен с нами. Но чего ради мы ввязались в это дело, тролль меня раздави, не пойму!

– Хельги так хочет, – пожала плечами диса. – Лично мне нет дела ни до людей, ни до эльфов.

– Хочу, – подтвердил тот. – Я хочу как минимум получить диплом, а пока идет война, это невозможно. Значит, надо посодействовать ее прекращению.

– А как максимум? – Аолена заинтересовали жизненные планы сприггана.

– Сдать на магистра, остаться в Уэллендорфе и изучать электричество.

– Что изучать? – Энка была несильна в естественных науках.

– Электричество. Это такая сила.

– Ты же терпеть не можешь магию!

– Магия тут ни при чем. Видала молнию? Это электричество. Или в море есть рыба скат.

Она умеет убивать электричеством.

– О! – оживилась Энка. – Это интересно! Значит, если овладеть этой силой, тоже можно будет убивать?

– Тьфу! – отвернулся Хельги. – Тебе лишь бы убивать. Больше ничего не интересует.

– Меня интересует архитектура. А убиваю я по необходимости, и не моя вина, что необходимость возникает слишком часто.

– Убивать за деньги аморально! – ни с того ни с сего заявила Меридит.

– А сама-то ты!

– А мне можно. Я диса. Дисы созданы для войны.

– У тебя какая-то извращенная логика, – осудил напарницу Хельги.

Явно зашедшую в тупик беседу прервало жалобное поскуливание.

– Хельги! Твой принц пищит! Распакуй его, что ли, – попросила Энка, – может, ему в кусты надо? Давно ведь сидим.

– Попозже, – отмахнулся спригган, – мне сейчас лень.

– Вот так я и знала! Завел заложника, а пасти его должен неизвестно кто!

Над пленником сжалился Аолен. Развязал, вытащил кляп, выгулял в кусты и учинил обстоятельный допрос – просто так, лишь бы убить время, пока варится суп, неожиданно затеянный серфидой.

И ходе допроса выяснилось следующее.

Зовут пленника Эдуард-Карол-Хенгист, он наследник Ольдонского престола, лет ему шестнадцать, проживает при папашинем дворе, а направляется в распоряжение своего дяди, герцога Этгесского, дабы постичь воинскую премудрость в боях с проклятым Инферном. Армия упомянутого дяди стоит у истоков реки Венкелен в ожидании нападения врага.

– И что, твой дядя тебя любит? Он согласится дать за тебя выкуп? – заинтересовалась Меридит.

– Да он... Он вздернет вас на первом же столбе!

– Ясно, не любит. Не пойдем к дяде, – заключила диса. – В Ольдон мы тебя тоже не поведем, уж извини, ты того не стоишь, чтобы тащиться в такую даль. Отпустить тебя нельзя. Короче, если не придумаешь, чем можешь быть нам полезен, придется с тобой распрощаться. В смысле навсегда.

– Может, стирать умеешь? – подсказала Энка. – Или суп варить?

Принц задрожал от страха и унижения.

– Вы мерзкие, гнусные твари, – выговорил он, стуча зубами, – отвратительные нелюди! Мой отец жестоко отомстит за меня! На краю света, даже в самом Инферне настигнет вас его карающая рука! – Постепенно юноша воодушевлялся и говорил все красноречивее. – Придвор-

ные маги проклянут ваш поганый род до седьмого колена! О, вы не знаете силы ольдонских магов! А мой воспитатель, великий воин Гилберт Навейский, сотник Белых Щитов Кансалонской гильдии, победитель гоблинов Аль-Оркана, он уже сейчас, наверное, идет по следу...

– Кто-кто?! – завопили Хельги, Меридит и Энка в один голос – Кто твой воспитатель?!

– Гилберт Навейский? Зубастый Гил?..

– Ох, я не могу! Ну надо же – воспитатель!..

– По... победитель Аль-Оркана! Сотник!!!

Все трое впали в безудержное веселье, озадачив принца и эльфа в придачу.

– Гилберт Навейский, он же Зубастый Гил, – это наш походный кашевар, – сквозь смех пояснил Хельги. – В Гильдии он состоит, но сотником никогда не был, а уж идти по следу... ох, ну если стадо коров прогонят...

– Надо его найти! – вскочила Энка. – Хочу поесть нормально! Этот мой суп – сущие помои!

– Здравсте вам! – рассердилась диса. – Все утро потратили на твой суп, а он, оказывается, помои!

– Уж извини! Я-то как раз сотник, а не кашевар!

Принц разрыдался.

Энка дружелюбно похлопала его по спине.

– Ладно, не реви! Не будем мы тебя убивать, раз уж ты воспитанник Ги́ла. Можно сказать – свой человек! – хихикая подтвердила диса. – Только придется выполнить кое-какие формальности. Времена сейчас беспокойные, ты должен это понимать. Нам не надо, чтобы ты сбежал и начал болтать.

– Какие формальности? – смиренно прохлюпало Его Высочество. Он догадался, с кем имеет дело. Воспитатель любил рассказывать о боевых подвигах наемников из Гильдии. О своих собственных он, правда, умалчивал, не иначе из скромности, зато часто в его повестях фигурировали трое дэвов (так на атаханском языке называли нелюдей) страшной силы и свирепости. Теперь у принца не осталось ни малейшего сомнения, что речь шла именно о пленивших его существах. Все описания совпадали в точности.

– Придется взять тебя в Гильдию учеником, – пояснила диса, скептически разглядывая хлипкую фигуру пленника, – карьеру ты, конечно, не сделаешь, но зато принесешь некоторые клятвы и обеты...

Те, кто подобно Хельги, Меридит и Энке вступали в Кансалонскую гильдию обученными воинами, должны были лишь провести показательный поединок, подтверждающий квалификацию, и подписаться под Уставом.

Почему так не повезло ученикам – неизвестно, но с них полагалось брать такие страшные клятвы и обеты, а нарушение их грозило такими бедами, что очень немногие решались принести их по доброй воле.

Принц благодаря воспитателю был прекрасно осведомлен обо всех правилах Гильдии, в том числе касающихся учеников, но это его не остановило. Гильдия давно стала его тайной романтической мечтой, поэтому теперь он проявил неожиданный для всех энтузиазм.

– Что, прямо сейчас? – удивилась Энка. – А ты не можешь подождать, пока поедим?

Эдуард не желал ждать. Ему хотелось, как можно скорее, пока страшные твари не передумали, обезопасить свою персону. Ведь воина Гильдии, даже простого ученика, можно убить только на поле боя, будучи нанятыми в войска враждующих сторон или на поединке при свидетелях. Но вызвать на поединок ученика может только другой ученик. Вот так!

– Ну тогда повторяй за мной, – согласилась Меридит. – Я, такой-то, такой-то...

– Я, такой-то, такой-то...

– Да не «такой-то», а имя свое говори, осел! – подсказала Энка.

– Я, принц Эдуард-Карол-Хенгист, наследник Ольдонского престола...

– Приношу клятву Уставу... Кансалонской гильдии Белых Щитов... Ах, демон побери! «Поступая в обучение» пропустили! Ну ладно, не суть!.. И наставнику моему... сотнику Ингрему...

– Эй! – завопил сотник Ингрем. – Почему мне-то?!

– А кто обещал с ним возиться?.. «И нет для меня отца, кроме Наставника, и нет для меня закона, кроме Наставника, и нет для меня богов, кроме Наставника, и никто я до слов Наставника...»

Принц старательно повторял слова клятвы.

– Ну вот! – радостно объявила диса после долгого перечисления напастей, грозящих клятвопреступнику. – Теперь ты полноценный ученик! Иди и облобызай наставнику сапог.

Хельги резво отскочил от приближающегося принца:

– Ай! Уйди! Оставь мои сапоги в покое!

Эдуард замер в нерешительности.

– Ладно, не лобызай, если он не хочет, – милостиво разрешила диса. – Мы никому не скажем.

– Идиотская церемония, – ворчал Хельги. – Не желаю я быть никаким отцом или законом. Надо было найти Гила, пусть бы ему клялся. Куда делся твой Гил?

– В последнем селе задержался, по важному делу.

– Знаю я его дела. Не иначе девицу снял.

– Какая разница? – возразила Энка. – Гил не может иметь ученика, у него нет ранга.

– Присвоили бы ему ранг.

– Кашевару?

– Ну и что? Кашевар тоже воин.

– Хельги, счастье мое, хватит ерунду болтать! Суп стынет!

– Вот именно! – Энка щедрой рукой протянула спригану миску.

Тот поморщился, но съел. Диса тоже съела. И даже проголодавшийся принц съел несколько ложек. А эльф не стал. Он вдруг сделался задумчивым, сидел, отрешенно глядя в облака.

– Ау! С тобой что? – окликнула его горе-повариха.

– Я слагаю песнь, – ответил эльф, – о юной эльфийской деве, идущей в битву, о страшных временах и великих подвигах.

Меридит скептически хмыкнула. Отвратительный суп казался ей полезнее любой песни, даже самой прекрасной. Но Энка уважала искусство.

– О! Песнь – это здорово! Всегда хотела уметь слагать, но у меня не выходит. У Хельги однажды вышло, настоящий стих! Помнишь, Хельги?

– Умолкни, несчастная! – прошипел тот. Однажды он действительно сложил стих. Не по своей воле, разумеется. Мэтр Арчибальд, преподаватель риторики, дал студентам задание – сложить стих философского содержания, но на жизненную тему. Дело было перед самой защитой курсовых, поэтому вирш Хельги звучал так:

Что есть жизнь? Миражи и виденья,
Мгла познания, неведенья свет...
Я тону в Абсолютной Идее
И спасения, кажется, нет.

Подо мною безликая бездна,
В ней концы и начала кишат;
Мне не страшно и не интересно,
Я солидно тону, не спеша.

А вокруг, клокоча, громоздится
Неоформленных сущностей сонм...
Может, мне суждено раствориться
И химер сих пополнить число?

Бесподобно я выглядеть буду!
Ну как в самом кошмарном из снов:
Тело рыбы, копыта верблюда,
И десяток змеиных голов!

И в таком устрашающем виде
Курсовую пойду защищать.
Тут уж всяк, кто меня ни увидит,
Неприменно поставит мне «пять»!

Посчитав творение издевательским, мэтр Арчибалд раскритиковал его в пух и прах, переходя на личности. Отметил, в частности, что пусть студент Ингрэм не обольщается, он и без змеиных голов выглядит достаточно устрашающе. Хельги огорчился и дал зарок никогда больше не заниматься поэзией. А зря. В студенческой среде стих имел куда большую популярность, чем безупречные творения эльфов. Меридит даже пришлось прочитать желающим маленькую лекцию на тему «Кто такой верблюд»: это горбатое южно-сехальское животное в Староземье было мало кому известно...

Покончив с действительно гадким супом, вся компания двинулась в путь. Зубастого Гиля решили не дожидаться. Учитывая его способности следопыта, надежд на встречу было слишком мало.

С появлением нового участника похода скорость движения заметно снизилась. А они еще грешили на Аэлле! Она хоть и быстро уставала, но зато была терпелива и, подобно всем эльфам, обладала способностью легко передвигаться по лесу.

Принц оказался ходячим несчастьем. Он проваливался во ВСЕ встречные ямы, они притягивали его будто магнитом. Он наткнулся на ВСЕ пни и коряги. Он расквасил нос о низко растущую ветку ели. Днем ему было жарко. Хельги недоглядел, и он выкинул свой меховой плащ, после чего по ночам стал мерзнуть. К тому же он периодически забывал про свой новый статус и пытался командовать. Оплеухи Энки быстро возвращали принца к печальной действительности, но нервы его наставника были на пределе.

– Нет, я его убью! – в отчаянии простонал Хельги.

Он только что выудил ученика из болота. Путники уже добрались до поймы Венкелена, и лес местами был сильно подтоплен.

– Как ему это удастся? – продолжал ворчать наставник. – Ни одной канавы, ни одного пня не пропустит!

– Я не для того рожден, чтобы лазить по лесу! – хлопнул принц. Ноги его до колен обволокла вонючая, липкая тина. В сапогах булькала ледяная вода.

– Поговори еще! – рявкнула сильфида. – Хельги, надо его сушить! Принцы – они нежные.

Вот так, с остановками, привалами и передышками миновали они северную оконечность Лесов эльфийских Кланов и вышли к реке. На пятые сутки пути, а не на четвертые, как обещали эльфы.

– Не было у нас заботы – завели мы принца! – вздыхала диса.

Затем путники вновь свернули на север, к Пониту, и вскоре убедились, что находятся на верном пути. Забор первой же встреченной рыбацкой деревушки венчали жуткие «Багорины амулеты».

Под покровом сгустившихся сумерек Хельги подобрался к забору, вернулся бледный и подавленный.

– Двадцать штук. Недельку висят, не меньше. Прыткий этот Багора, здорово нас опережает.

Энка не согласилась:

– Не факт. Может, мы все время с таким разрывом идем? Не знаем же, насколько свежими были предыдущие головы. Эх, жаль, не догадались посмотреть.

– А мне не жаль, – тихо сказал Хельги.

Меридит незаметно погладила его по руке.

– Как хотите, а я все равно не понимаю, – рассуждала диса. – Пусть напал Инферн и все ошалели со страху. Но люди и эльфы уже лет двести живут мирно! Вдруг появляется некто, говорит нечто – и люди начинают истреблять эльфов, причем так кошмарно. Почему они его слушают? И на что, собственно, надеются? Пока еще до них доберутся инфернады, а кланы – они тут, под самым боком. Естественно, они будут мстить. Люди будто разум потеряли! Вот ты, – она обратилась к принцу, – почему ты приказал на нас напасть? Чем мы тебе помешали?

– Вы нелюди, а все нелюди – пособники Инферна, – ответил тот с большой убежденностью.

– Понятно. Но почему ты это решил? Твои подданные так не считали, нормально с нами разговаривали... и разве ты сам раньше, до войны, убивал нелюдей? Приказывал убивать?

– Н... нет... – Принц задумался.

В Ольдоне всегда было полно нелюдей, даже при дворе служили эльфы. Он никогда не обращал на них внимания. Эльфы, люди – какая разница? Просто слуги... Но когда в лесу он увидел троих нелюдей, сразу понял: это лазутчики проклятого врага. Он это совершенно точно знал...

– Знал, – сказал Эдуард вслух.

– Откуда знал?!

Принц будто вспомнил что-то.

– Вот! – Он извлек из-за пазухи книжицу в простом переплете, мятую и замусоленную, явно не из королевской библиотеки. – Тут все сказано.

– Дай сюда! – Энка протянула руку, но Хельги ее остановил:

– Не трогай! Исчезнет! Слышал я о таких вещах... – Он натянул перчатку, безразлично, за уголки, взял книгу и раскрыл.

Энка с любопытством заглянула.

– Но она же пустая! – В голосе ее сквозило разочарование.

– Эти для нас пустая. Потому что мы не люди. – Он сунул книгу принцу: – Читай!

– Но... тут ничего не написано? Как же? Ведь я читал...

– Все правильно. Ты читал до того, как принес кансалонские клятвы. Тогда ты был человеком. А теперь ты «никто до слов Наставника», то есть, формально не человек. И писана книга не для тебя. Вспоминай, где ее взял.

– В Ульпе! – радостно вспомнил Эдуард. Он очень хотел быть полезным. До него начала доходить вся серьезность принесенных клятв. – Мы шли через Ульп, и там, на рынке, мне ее дал... кто-то дал, прямо в руки... – Он опять беспомощно заморгал.

– Ладно, не страдай, все равно не вспомнишь, – разрешил наставник, закапывая зловещую книгу поглубже в землю. – Вот так они и действуют. В городах, где народ грамотный, распространяют зачарованные книги. А к деревенским приходит Багора.

– Кто – они? – выдохнул эльф.

– Представления не имею! Просто ОНИ. Одним Багорой дело явно не обошлось. Думаю, тут целый заговор!

Меридит вздохнула:

– Да, что-то многовато напастей одновременно: Инферн, чернокнижие, некромантия. И это в наш просвещенный век!

Хельги презрительно фыркнул:

– Тоже мне просвещенный! Тьма Сехальская! Одна алхимия чего стоит! Всем известно: золото – простое вещество, магически нейтральное, и никакой камень тут не поможет, будь он хоть трижды философский.

Кроме самого Хельги, никому из присутствующих это известно не было, но все с умным видом кивнули.

– А если даже представить, – продолжал спригган, – будто какой-то идиот начал-таки делать золото, хотел бы я посмотреть, что станет со всей мировой экономикой. И вообще, магия – тормоз прогресса.

– Неправда! – неожиданно и горячо заговорил Эдуард. – Без магии прогресс немыслим. Магия – основа цивилизации. Без нее мир не может существовать вовсе!

Хельги нахмурился и замолчал, будто сомневаясь в чем-то.

– Ладно, – решил он наконец, – скажу: есть такой человек... Это он говорит, что человек, а лично я думаю – он демон... его зовут Да Винчи. Он умеет отворять границы миров. Кроме нашего есть еще много миров. Они существуют на одном месте, в одно время, но отдельно друг от друга. И Да Винчи может попадать из одного в другой, уж не знаю как. Он рассказывал, есть миры, где магии нет совершенно. В них живут одни люди, и эти люди делают повозки, которые едут сами по себе и даже летают по воздуху. И в них ни капли магии, чистая механика! А электричеством – помните, я говорил? – они освещают дома. А оружие у них, – Хельги понизил голос, – такое, что скинешь на город шар с огнем внутри – и полгорода как не бывало. А другое, маленькое, – он изобразил рукой нечто вроде кочерги, – может пробить дыру в стальном листе и стреляет на пятьсот шагов, может и больше. И есть еще которое стреляет сто раз в минуту.

– Ну уж это сказки! – не поверила Энка. – С таким оружием у них ни одного человека не осталось бы! Твой Да Винчи просто врет!

– Нет, – Хельги был необычно серьезен, – не врет. Я сам видел... кое-что.

Ночью всем пятерым снились кошмары, а чуть забрезжил рассвет, они выкрали с причала рыбацью лодку, чтобы переплыть Венкелен. Правобережье было голым – не скроешься, а слева к самой воде подступала стена Дикого леса.

Плыть было тяжело. Течением лодку сносило вниз, время от времени ее грозили протаранить запоздалая льдина или оторвавшееся от плота бревно – сплав уже начался.

Леса Кланов граничили с человеческими Срединными Землями, но рубить деревья в своих владениях эльфы не позволяли. Поэтому людям приходилось заготавливать хороший строевой лес так далеко, сплавлять по реке до Монса или до самого Уэллендорфа и уже оттуда везти посуху на запад.

Гребли попарно, Хельги с Энкой, Меридит с Аолоном. Принца к делу не подпускали, он сидел, свесившись за борт, и страдал морской болезнью. Так страдал, что даже Энка прониклась к нему сочувствием. Только спригган презрительно отворачивался. Для фьордингов, среди которых прошло его детство, морская болезнь была едва ли не самым большим позором. Хуже раны на пятой точке. Хельги считал их нравы дикими, а себя – существом образованным, цивилизованным и прогрессивным, но дурное воспитание время от времени давало о себе знать.

Впрочем, принцу в его горестном состоянии мнение наставника было безразлично. Он успел расстаться с завтраком (выданным ему одному, чтоб не ныл) и уже чувствовал, что подходит очередь вчерашнего ужина, как вдруг в толще воды почти у самой лодки возникло белое пятно. Оно быстро всплывало и, к ужасу Эдуарда, оформилось в распростертую под водой лицом вверх женскую фигуру.

Абсолютно голая, с шевелящимися, подобно змеи, волосами и широко распахнутыми пустыми глазами... Утопленница!

Это было последней каплей. Все, что еще оставалось в августейшем желудке – на удивление много! – судорожно рванулось наружу.

– Стой! – заорала Меридит, отшвыривая принца от борта. – Только не это!

Поздно. На окончательно всплывшее хладное тело выплеснулась мерзкая, вонючая субстанция. Последнее, что увидел несчастный, прежде чем свалиться в глубокий обморок, – вздымающуюся из воды тварь с перекошенным от ярости лицом и пасть ее, жуткую, круглую, усаженную мелкими, заостренными зубами.

Дальше начался кошмар, от которого принц был избавлен нежностью собственной натуры.

Вода под кормой забурлила, закружила, стремительно разворачивая лодку поперек течения. Поруганная утопленница уцепилась за борт длинными перепончатыми пальцами и с силой, какую невозможно заподозрить в девичьем теле, принялась раскачивать злополучное судно.

– Отцепись, дура! – взвизгнула Энка, колотя веслом по голове и рукам нападавшей. Но та разразилась зловеще-истерическим хохотом и удвоила усилия.

– Гребь, ослица! Оставь ее и гребь!!! – вопил Хельги, чувствуя – в одиночку лодку не удержать.

Поняв, что дело плохо, Меридит подскочила, перехватила у сильфиды весла и налегла на них со всей дисовой силой.

Бесполезно! Весла и обшивка трещали, бурлящая вода захлестывала через борт. Неизвестно откуда налетел ветер, он слепил, бросая в глаза водяную пыль.

Аолен шарахался от борта к борту, стараясь удержать равновесие, принц кулем катался по настилу. Энка боевым топором остервенело рубила речное чудовище, но топор будто сквозь воду проходил, не причиняя ни малейшего вреда. Кровь стыла в жилах от дикого визга. Уж на что сильфида была мастерица визжать, водяная дрянь давала ей сто очков вперед!

– Весла держи! – проорал Хельги Аолену. – Да держи же, она нас сейчас потопит!

Бросив весла, спригган повалился на дно лодки.

– Десять секунд! Выровняйте нас хоть на десять секунд! – Он судорожно шарил в карманах. – Проклятье, да где же они?!

Было невероятно трудно разложить камешки кольцом на скользком подтопленном настиле ходящей ходуном лодки. Возможно, в самом деле прошло десять секунд. Всем показалось – вечность.

Разбушевавшаяся стихия утихла так же быстро, как и поднялась. Хватка твари ослабла, торжествующий оскал физиономии сменился гримасой бессильной злобы. Из груди вырвался душераздирающий вопль – это Энка шарахнула обухом по перепончатым пальцам, неожиданно обретшим материальность.

– Ага! – обрадовалась сильфида. – Получила!

Последний раз качнув лодку, речная гадина сильно оттолкнулась и канула в пучине вод.

– Что это было?! – Голос эльфа дрожал от пережитого испуга.

Хельги размазал кровь, сочившуюся из носа.

– Никса. Самая обыкновенная никса.

– Кто бы мог подумать, что никса в состоянии так разъяриться! – потрясенно пробормотала Меридит. – Хельги, умойся.

– И ничего удивительного! – заметил спригган. – Облевали с ног до головы – тут любой обидится. Представь, что было бы, окажись на ее месте Энка!

– Я не такая психопатка, на всех без разбору не кидаюсь, – пробурчала сильфида. Она мучительно переживала тот факт, что не успела уцепить речную стерву за волосы, втащить в лодку и сказать ей пару ласковых.

На дне лодки заворочался наконец главный виновник драмы.

– Ушла? – пролепетал он. – Она... эта... ушла?

– Ушла, ушла, – успокоила диса, – бери ковш, надо воду вычерпывать.

– Никогда не видел живых утопленников! – пожаловался Эдуард.

– Никто не видел. Живых утопленников не бывает.

– А эта?

– Никса. Или водяница.

– А зачем... зачем она приходила?

Энка громко фыркнула:

– Тебя, олуха, очаровывать собралась. Явилась баба в чем мать родила, в смысле во всей красе, и с романтическими настроениями, а ты ее уделал сверху донизу. Чуть не потопли! В другой раз скинем тебя за борт, будешь сам отношения выяснять.

Поддействовала ли угроза Энки, или страдания закалили организм, но морской болезнью принц с тех пор страдать перестал...

Скоро путники причалили к берегу. Немного передохнув, осторожно пробрались в ближайший поселок, на разведку. Заборы его радовали глаз своим мирным видом.

– Это еще ничего не значит, – говорила Энка. – Просто здесь нет эльфов. Или Багора пошел правым берегом. Все равно придет в Понит, больше ему деваться некуда. И нам тоже.

В Понит брели вдоль берега, но встречные поселения обходили стороной, по лесу. Это были маленькие деревушки рыбаков, деревянные, чистенькие, с короткими белыми занавесочками на окнах, и неухоженные времянки лесорубов. Путники прятались не из страха. Трое кансалоцев без труда могли истребить все население такой деревни. Не хотели напрасных жертв.

Проблем с едой в пути не возникало. Рыбу не приходилось даже ловить, она в изобилии вялилась прямо у крошечных причалов, нанизанная на длинные веревки и прикрытая ветхими тряпицами от первых весенних мух. Для очистки совести Аолена Меридит подбрасывала взамен уворованной рыбы оставшиеся в кошеле медяки. Энка ворчала, что в этих краях рыба столько не стоит. Хельги иногда варил безвкусное, но питательное пойло из ягеля. Принца приспособили для сбора перловиц, диса утверждала, будто печенные на костре перловицы вкуснее устриц. Принц, весьма искушенный в деле поедания устриц, с ней не соглашался, но работу выполнял честно.

Так они и жили.

А первого мая путники подошли к городским укреплениям Понита.

Вся компания привычно засела в кустах недалеко от ворот дожидаться сумерек. В потемках можно будет проникнуть в город, найти подходящий кабак и подслушать, о чем болтает пьяный народ, – это верный способ выяснить обстановку.

Они сидели, наблюдали за движением на дороге, болтали о пустяках. В частности, Энка упрекала Хельги, что тот не выполняет обязанностей наставника, ничему не обучает принца.

– Я обучаю, – защищался Хельги, – я обучаю его ходить. Первое дело для настоящего воина – уметь ходить на двух ногах!

– Тише! – перебила Меридит. – Вон там, в кустах... Смотрите, шевелится!

Все присмотрелись. Под соседним кустом действительно двигалось, вернее, осторожно ползло на четвереньках странное существо. Оно было размером с собаку, но походило на

уродливого человечка. Кожу его покрывала жиденькая, неопрятная серая шерстка, сморщенную физиономию с крошечными поросычьими глазками украшали три большие бородавки, а тощенькое тельце – грубое одеяние из старого мешка.

– Кто это? – Эдуард едва сдерживал визг.

– Похож на домового гоблина, – одними губами ответила диса. – Смотрите, на нас ползет! Эх, щас мы его схватим!

В глазах ее блеснул азарт охотника.

– А зачем он нам? – удивился Хельги.

Меридит с досады плюнула.

Вот так всегда! Только захочешь что-нибудь сделать, вечно кто-то влезет со своими дурацкими вопросами, все настроение испортит!

Но она не могла не признать, что домовый гoblin им в самом деле совершенно не нужен. Зато сами они, как ни странно, оказались нужны домовому гoblinу. Покружив немного на одном месте, создание направилось прямо к ним. Принц шарахнулся назад. Хельги изловил его за шиворот.

– Куда?! Не съест он тебя, не трусь! Первое дело для воина – не бояться домовых гoblinов!

– Второе, – поправила Энка, – первое – ходить ногами.

Существо подползло, кряхтя и шмыгая носом, вытаращило на них подслеповатые глазки, забормотало:

– Так и есть... Спригган, диса, сильфида, эльф и человек. Все сходится! Позвольте представиться... – Уродливое создание церемонно раскланялось. Это выглядело особенно смешно, учитывая, что оно по-прежнему стояло на четвереньках. – Амбргыз, домовый гoblin, состою в услужении у великого мага Франгарона.

– Ого! – присвистнула Энка. – Ничего себе!

В отличие от хорошо обученных посредственностей вроде профессора Перегринга, Франгарон слыл действительно великим магом – из тех, про которых никогда не знаешь точно, смертный это или, быть может, демон. Ходили слухи, что этому магу открывается будущее и в Староземье нет равного ему предсказателя судеб. Сменив самого Мерлина, он уже много десятилетий возглавлял Тайную коллегия магов. Она на самом деле давно не была тайной и, по сути, управляла всем Староземьем. Состояли в ней люди, эльфы, гномы и маги некоторых малых народов.

– И чем же мы обязаны вниманию столь важной персоны, как домовый гoblin самого мэтра Франгарона? – церемонно осведомился Хельги.

Новый знакомый напыжился от гордости. Такое обращение ему явно льстило.

– Мой господин прибыл в Понит для встречи с вами. Я должен проводить вас к нему.

– Не пойдем! – тотчас откликнулась Энка по-атахански. – Наверняка ловушка. Еще неизвестно, кто его послал на самом деле. И мне не нравится, что про нас знают посторонние.

– Пойдем, – возразила Меридит, – надо выяснить, что к чему. Я представляю, как выглядит Франгарон, сразу скажу, он это или нет. А что ему известно про нас – вполне объяснимо. Он ведь предсказатель. Интересно, чего ему от нас надо?

Они шагали по Пониту, еще не окутанному тьмой, совершенно не опасаясь быть замеченными. О безопасности позаботился гoblin. Он извлек из вместительного кармана своей дерюги шесть шелковых колпаков, по виду напоминающих ночные. Однако они обладали магическим свойством делать невидимыми своих обладателей.

– Просто клад для шпионов, – с завистью сказала Меридит, примеряя головной убор, – или если кому надо часовых снять...

– Последнее достижение! – с гордостью пояснил гоблин. – Действуют пока недолго, часа два, не более, но господин намерен их усовершенствовать.

Отдаленный северный Понит сильно отличался от Уэллендорфа и большинства других современных городов Староземья. Вместо высоких башен и домов с островерхими крышами – массивные каменные строения с узкими, похожими на бойницы окнами. Булыжником в Поните были вымощены лишь центральные улицы, окраинные в лучшем случае устланы досками, но чаще всего под ногами хлюпала жирная, пополам с помоями, грязь. Запах был соответствующий.

– Когда уж наконец просохнет? – как обычно, ворчала Энка. – Лето на носу, а развезло как в марте!

– Север, – пояснил Хельги. – Здесь весна поздняя.

– Предлагала идти на юг – не послушали!.. Ох, гром тебя порази!

Поглощенная эстетическими страданиями сильфида утратила осторожность, вылезла на середину тротуара и едва не была сбита с ног представителем рода человеческого, пребывавшим в сильном подпитии. Услышав замысловатую ругань, несущуюся из пустоты, человек забавно присел, а затем припустился бежать, виляя и спотыкаясь.

– Осторожнее надо! Теперь решит, бедный, что до белой горячки допился, – пожалел пьяницу Хельги.

– Он сам виноват. Приличные существа спиртного не пьют.

– Ох, кто бы говорил! – Меридит упивалась мстостью. – А кто украл мое вино и перебудил всех упырей в округе?

Возмущенная сильфида не нашла что возразить, лишь громко фыркнула и перепугала толстую кошку.

– Вот! Никому от тебя покоя нет! – нанесла последний удар деса. Она была страсть как довольна – в девяти случаях из десяти последнее слово оставалось за Энкой.

Великий маг Франгарон остановился в дешевом, неприметном пансионе на северной окраине города.

Это был рослый, худой старец, облаченный в дорожные одежды: высокие сапоги, кожаные штаны, теплую суконную куртку. На спинке стула висел длинный плащ с капюшоном, похожий на гномий.

Вопреки представлению принца Эдуарда о магах, у Франгарона не было ни бороды, ни усов. Зато брови нависали над глазами, а нос едва не доставал до подбородка. Мрачноватая, но запоминающаяся внешность.

– Он! – подтвердила Меридит. Она видала мага в университете, когда там проходила конференция по магической терминологии.

Франгарон жестом пригласил их войти и заговорил резким, отрывистым тоном человека, привыкшего к тому, что ему безоговорочно подчиняются.

– Я прибыл сюда специально для встречи с вами... – Последовала пауза, рассчитанная, видимо, на то, чтобы слушатели оценили, какая честь им выпала. – Страшная беда грозит Староземью и всему свету, ставшему на путь скорой гибели. Так уж распорядились Силы Судьбы – великие, мудрые, но непостижимые – что спасение Мира оказалось именно вашим предназначением. От вас одних зависит, канет ли он во мрак или преодолеет обрушившуюся на него мощь Зла. Силы Судьбы указали вам путь, так ступайте, продолжайте идти по следу Зла и выполните предназначение с честью! Ваш долг – оправдать возложенные на вас надежды!

Все слушали молча, подавленные внезапно свалившейся на них ответственностью. Все, кроме Хельги.

Спригган шагнул в комнату, бесцеремонно уселся прямо на плащ Великого мага и, нахально глядя тому в глаза, заявил:

– Пятьсот золотых на каждого.

Меридит толкнула его в спину: «Ты чего?!» – но Хельги лишь отмахнулся.

– Что-о?! – От изумления с мага слетела некоторая доля его величия.

– По пятьсот золотых мне, сотнику Меридит и сотнику Энкалетте, плюс двести пятьдесят ученику. Сколько берет эльф, я не знаю, обговорите с ним отдельно.

Уникальные брови мага встали дыбом.

– Да как ты смеешь, ничтожный! Отпрыск проклятого народа! Тебе выпала неслыханная честь стать спасителем Мира, и ты требуешь за это платы? Ты должен...

Глаза сприггана загорелись красным. Это был дурной знак. В таком состоянии Хельги убивал.

– О долге с нами может говорить тот, кто платит. Другим мы не должны ничего. Хочешь спасения Мира – плати. Половину – вперед. Иначе спасай его сам, да помогут тебе твои Силы Судьбы!

И без того не слишком симпатичное лицо мага исказилось презрением и ненавистью.

– У меня нет при себе таких денег. Я не ожидал подобной низости.

Хельги демонстративно плюнул в сторону – кансалонский жест презрения. Он редко им пользовался, будучи существом культурным и образованным, но в данный момент, видимо, решил не отступать от образа грубого наемника.

– Ладно. Полтора месяца ждем. Найдешь нас и отдашь, но смотри – не фальшивыми! – Это было уже откровенным оскорблением. – Да, на вот! – Он достал из кармана медную монету и швырнул на стол. – Одень своего гоблина поприличнее! Не позорь сословие!

Они вышли. Хельги с треском захлопнул дверь ногой. Девиды смотрели на сприггана несколько ошалело, эльф и ученик – с откровенным ужасом.

– Чего ты с ним сцепился? – спросила Энка.

Хельги выдохнул воздух сквозь зубы. Он был еще в воинственном настроении.

– А пусть не командует. Нашелся тоже! «Ваш долг!»! «Возложенные надежды!»! «Великая честь!»! Да плевал я на всех магов вообще и Франгарона в частности!

– Что-то я не поняла, – задумалась Меридит, – зачем он нас, собственно, вызывал? Ничего полезного не сообщил, по следу мы и без него шли и сворачивать не собирались. К чему этот разговор?

– Ну как же! – язвительно пояснил Хельги. – Вот мы, отпрыски проклятых народов, спасем Мир, а они, великие маги, вроде как не при делах. А вызвал, напутствовал – теперь он главный, а мы при нем вроде домового гоблина на побегушках. Выполняем высочайшее распоряжение по спасению Мира. Тьфу!

Аолен серьезно кивнул:

– Да, неприятно, конечно, но, боюсь, ты прав... Но все-таки он: Великий маг... Зря ты так резко.

– А не сахарный, не растает! – утешила Энка.

Они покинули Понит через северные ворота и прокрались ночевать на сеновал, расположенный на самом краю пригородной деревни. Сена в нем почти не осталось, а то, что было, пахло плесенью. Но после ночлегов под открытым небом условия казались королевскими. Спи да радуйся. Однако, как часто бывает в таких случаях, сон почему-то не шел. Все ворочались и шуршали, мешая друг другу.

Эдуарду не давал покоя один вопрос.

– Скажите, наставник, а что такое «проклятые народы»?

– Слушай, прекрати звать меня наставником, у меня имя есть... На некоторые народы наложено проклятие. Вот, например, мы, спригганы, не должны видеть собственных детей от месяца и до тринадцати лет. Поэтому мы вынуждены красть человеческих и взамен подкидывать

своих. Или дисы, у них всегда рождаются только женщины, и все они обречены становиться воинами. А вот тролли каменеют от солнечного света...

– А сильфы? Они тоже проклятые?

– Нет, – вмешалась Энка, – они просто придурки, сами по себе, без всякого проклятия.

Одна я счастливое исключение.

Меридит заворочалась:

– Ты в этом уверена?

– Сама дура!

Эдуард не обращал внимания на привычную перебранку.

– А кто их проклял? И за что?

Хельги подрыгал в воздухе затекшими ногами:

– Этого уже никто не помнит. Не знаю, как у дис, а у нас даже преданий не осталось.

– Но как же так? Ведь проклятие можно снять, лишь зная, кто его наложил и каким способом!

– Почему ты решил, что его хотят снять? Все давным-давно привыкли и вполне довольны жизнью. Кроме, может быть, троллей, но это уже их проблемы.

Ученик надолго задумался, искоса доглядывая на Меридит. Ему очень хотелось спросить кое-что еще, но он не решился.

Постепенно компания погрузилась в сон.

Сказать, что они проспали, – это ничего не сказать. Намеревались встать затемно, чтобы незаметно выскользнуть из деревни, а проснулись ближе к полудню. Лучи солнца пробивались сквозь дырявую крышу, снаружи весело щебетали птички и сновали люди.

– Безобразие! – ругалась Энка. – Чего они разгуливают? Им бы надо пахать землю и сеять зерно. Весенний день год кормит!

Меридит усмехнулась:

– Тоже мне земледелец! Кругом скалы, леса и болота. В этих краях зерно не сеют. Ты по пути хоть одно поле видела? Одни маленькие огороды.

– Вот и пусть идут на огороды, сажают брюкву.

– Да рано ее сажать! – засмеялся Хельги. – Земля еще не прогрелась. Агроном ты наш несостоявшийся!

Энка задрала нос:

– Я существо благородное, в детали быта простонародья, особенно человеческого, вникать не обязана. Я вижу одно: рабочий день, а они праздно шатаются по селу. Из-за этого нам придется сидеть в сене до ночи.

Но, понаблюдав повнимательнее за улицей сквозь щели в стенах, они обнаружили, что народ не праздно шатается, а целенаправленно и резво движется в одну сторону.

– Праздник у них, что ли? – предположил Аолен.

– Ага! Свадьба, например, или похороны, – согласилась сильфида.

– Похороны – не праздник, – сказала Меридит в нос.

– Ну это как посмотреть. Помню, у нас в Сильфхейме объявили траур по Верховному Амаранту, гимназию закрыли на неделю – то-то радости было!

Меридит покачала головой:

– Ты очень безнравственная особа!

Сильфида собралась завопить, но Хельги зашипел:

– Да тихо ты!

Спригган напряженно следил за происходящим снаружи, пытаясь уловить обрывки фраз спешащих мимо людей.

– Там творится нечто необычное! Все бегут, стучат к соседям, те тоже бегут. Интересно, что у них стряслось?

– Багора! Багора пришел! – раздался, будто в ответ, звонкий мальчишеский голос. Мимо сарая промчалась стайка грязных, нечесанных ребят.

– Ох, Силы Стихий! – Хельги так и сел в сено. Эльф, наоборот, вскочил. Лицо его стало похожим на мраморную маску. Руки судорожно сжали лук – настоящий, эльфийский, разящий без промаха.

– Я должен убить этого негодяя!

Меридит загородила дверь:

– Не валяй дурака! Тебя раздерут в клочья, на кол насаживать нечего будет!

– Пусть! Прежде я успею очистить мир от гадины. Он должен понести кару, даже если это будет стоить еще одной жизни!

– Хорошо, – очень спокойно заговорил Хельги, – допустим, ты его убил. Люди убили тебя – жаль, конечно, но, в конце концов, твое личное дело. Вот только что потом останется делать нам? Ты подумал?

– В каком смысле? – не понял эльф.

– Сначала придется все начинать, вот в каком! Багора не главное зло. Он след. Уничтожь его – придется искать новый, и спасение Мира отложится на неопределенное время.

– Но он велит убивать эльфов! – не сдавался Аолен, хотя его боевой пыл немного угас.

– И не он один. И не только эльфов. Черные книги велят убивать всех нелюдей вообще. Так что пойдем по рынкам, будем собирать магическую макулатуру? Сейчас куда важнее узнать, как выглядит Багора. Эх, как бы туда пробраться? Может, в толпе не заметят? Может, я тихонечко?..

Меридит вновь заступила дверь:

– А если у Багоры нюх на нелюдей? Вспомни нашего некроманта: за тридцать шагов с закрытыми глазами распознавал, кто есть кто!

Хельги сокрушенно вздохнул:

– И то верно! Нам туда нельзя. Что делать?

– Чего уж проще, – хмыкнула Энка, – послать твоего ученика! Он ведь человек. Почти.

Хельги засомневался:

– Думаешь, справится?

– Ну не идиот же он, в конце концов. Всего-то дел – запомнить, как выглядит. И послушать, что говорит.

Выслушав десяток напутствий, принц отправился на задание. Трусил он ужасно! Легко им говорить: «Затеряйся в толпе»! Как же в ней затеряешься, в толпе простолюдинов? Все сразу заметят, что он принц!

Как ни странно, не заметили! Один особенно бдительный мужик только и спросил: «Ты чей, парень? Что-то не припомню».

– На Перевал иду, – пискнул принц, как было велено, – из города.

– А-а, – кивнул мужик, – то-то смотрю, не из нашенских...

И отстал.

Эдуард протолкался сквозь толпу и увидел Багору.

Это был черный, высокий, мосластый дядька со странным плоским лицом, но без ата-ханской раскосости глаз. Он стоял посреди деревенской площади в окружении народа и говорил. Ему внимали зачарованно, глупо открыв рты, устремив преданные, неподвижные взоры. Принц стал вслушиваться, но не смог. Нет, он слышал голос Багоры, низкий и глухой, будто из бочки. Различал отдельные слова, но слова эти никак не желали складываться во фразы, смысл непостижимым образом ускользал. Вместо этого возникало мерзкое ощущение, будто невидимые ледяные щупальца пытаются проникнуть к нему в мозги и подчинить чужой воле.

Тихо пятась, чтобы не привлекать лишнего внимания к своей августейшей персоне, принц выбрался из толпы и опрометью припустил к сеновалу. Он робел перед эльфом, боялся суровую дису, вредную сильфиду и, особенно, собственного зловещего наставника, но сейчас бежал к ним, как ребенок бежит, ища спасения у матери.

Выслушав сбивчивый рассказ принца, нелюди нахмурились.

– Увы, не дано нам узнать, о чем говорит злодей Багора! – сказал эльф мрачно.

– Да это не так уж и важно, – заметил Хельги. – Важнее, что он при этом делает. Заклятие накладывает. Помните, кто нам рассказал о Багоре? Дурочка. Наверное, на таких заклятия действуют слабее, именно из-за дурости... как ты говоришь? Холодные щупальца проникают в мозги?

Принц кивнул. Его потрясывало.

– На некромантию непохоже, – рассуждала диса, – на чернокнижие – тем более. Очень загадочное колдовство.

– Может, это не колдовство вовсе, а гипноз? – предположил Хельги.

– Гип... что? – удивилась Энка.

– Знаешь, – с укоризной отвечал спригган, – мне иногда кажется, что мы учимся в разных университетах. Или что ты вообще нигде не учишься. Темная, как пещерный тролль!

– Ты зато светлый! Ну-ка скажи, в каком году была битва Трех магов при Трегерате?

Дата одной из величайших битв в истории Староземья была известна любому школяру. Но Хельги задрал нос:

– А все, что касается магов, меня вообще не интересует. Таков мой жизненный принцип.

– Мы отвлеклись, – проявил настойчивость Аолен, – а я все же хотел бы узнать, о чем говорит Багора. Хельги, ты не можешь объявить Эдуарда человеком?

– Я не могу нарушить Устав Гильдии. Он должен сперва в трех поединках, потом на поле боя доказать, что стал настоящим воином. Вряд ли ему это когда-нибудь удастся. Принцы – очень нежный народ.

Нервы Эдуарда не выдержали, и он, по своему обыкновению, разрыдался. Энка решила его утешить:

– Ладно, не реви! Принцы тоже разные попадают. Слышала я про одного, он ударом палицы проломил крепостные ворота. Правда, говорят, его мать изнасиловал орк, а король признал его сыном, чтобы избежать позора. Не знаешь, твою мать никто...

– Ты бы заткнулась, а? – очень миролюбиво предложила Меридит.

Эдуарду долго отсиживаться в сарае не дали, отправили следить за Багорой. Того уже не оказалось на площади, народ почти разошелся.

– Где Багора-то? – рискнул спросить принц у первого попавшегося мужика, тощего, взъерошенного, с блаженно-идиотской улыбкой на дремучей физиономии.

– В путь двинулся, защитник наш, дальше народ учить, как от врага спастись!

– А куда дальше?

– Как – куда? Одна тут дорога и есть – на Перевал. За Перевалом-то места дикие, глухие, да ведь и там люди живут, и они спасения хотят!

– Вот и замечательно! – обрадовалась Меридит. – На Перевале его и выловим. Мимо не пройдет! Главное – нам его надо опередить.

Движимые этой целью, они предприняли ночной марш-бросок по направлению к Перевалу, во время которого Хельги проклял все на свете. Ученик в темноте не видел совершенно ничего и всю дорогу только что не верхом на наставнике ехал. Девушки радовались и язвили.

Весь следующий день тоже провели в пути. Под вечер оба – и принц, и Хельги – валились с ног от усталости.

Местность, по которой они теперь шли, становилась все более суровой и дикой. Громоздились каменные кручи, с них сползали каменные реки. Идти становилось все опаснее. Лежит, например, замшелый валун, кажется – тролль не сдвинет, а коснешься его – и потекла по склону чудовищная масса породы, сметая все на своем пути.

Лиственные деревья уступили место седым елям и сучковатым северным соснам, довольно сильно отличающимся от своих южных сестер.

– Это один вид, вы не думайте, – пояснил Хельги, хотя никто про это и не думал вовсе. Вода в многочисленных ручьях и речушках была красно-бурой и зловеще напоминала кровь, прибрежные камни покрывал ржавый налет окислов железа (это Хельги объяснил про железо).

Все реже встречалось человечье жилье. Мимо него шли не таясь, без опаски, уверенные, что Багора остался позади и не успел еще принести сюда свою заразу. Появление их пестрой компании местных жителей не удивляло. Здешные края почти не принадлежали людям, те селились лишь вдоль единственной дороги и возле воды. Скалы, еловые чащи, озера и карстовые норы заселяли совсем другие существа. Люди старались жить с ними в мире ради собственной безопасности. Поэтому путников-нелюдей встречали если не приветливо, то по крайней мере вежливо. Удалось запастись провизией, к великой радости Эдуарда. Его уже тошнило от рыбы, особенно когда приходилось есть ее сырой.

Эльф принялся слагать новую песнь. Он был потрясен величием северной природы. Приход весны, самого яркого и веселого времени года, отчасти смягчал ее суровость, но Аолен представлял себе здешнюю зиму и внутренне содрогался. С другой стороны, впервые за последний месяц эльфа не угнетала атмосфера ненависти и страха, нависшая над Староземьем. Там он ощущал ее почти физически.

– Удивительно, – говорил Аолен, – ведь мы идем навстречу Инферну, а впечатление такое, будто война остается позади, все дальше и дальше.

– Вот это и странно! – кивала Меридит.

Совсем иначе чувствовал себя принц. Он впервые оказался в краю, где люди не были хозяевами, а существовали на положении слабого малого народа в окружении разномастных нелюдей.

Он видел отвалы пустой породы возле кобольдовых ям, огромный след тролля прямо поперек дороги, горящие во тьме глаза, неизвестно чьи. Слышал смех лесовицы, порочный и манящий, странные тихие звуки и шорохи, и сердце его наполнялось страхом.

Однажды, по его же просьбе, устроили привал на берегу большого озера. Девицы и эльф задремали на полуденном солнышке, Хельги побрел в чащу искать какие-то сморчки. Эдуард просто сидел в отдалении, смотрел на водную гладь и размышлял о своих невзгодах.

Вдруг тихое ржание послышалось в кустах. Медленным шагом выбрела из них приземистая черная лошадь. Прежде принц не удостоил бы такую неказистую скотину и взглядом. Но теперь, когда от мешка с провизией болели плечи, а на стертых ногах не успевали заживать волдыри, она показалась ему даром судьбы. Бормоча что-то успокаивающее, принц медленно подобрался поближе. Лошадь не встревожилась. Окрыленный удачей, принц потрепал ее по холке и наконец взгромоздился верхом. Он никогда раньше не ездил без седла, но это оказалось проще, чем он думал. Стукнул пятками по бокам, лошадь и пошла. Медленно, лениво потрусила вдоль берега и вдруг резко повернулась, напряглась и ринулась в воду.

– Стой, скотина! – завопил принц. – Куда? Назад!

Он потянул за гриву. Лошадь не реагировала и продолжала погружение. Вместо того чтобы спрыгнуть с ненормального животного, Эдуард вновь попытался его остановить. Он был не в силах расстаться с мечтой о собственном транспорте.

Принц погрузился по пояс, когда кто-то схватил его сзади за ремень и жестоко сдернул вниз. Эдуард забарахтался в ледяной воде. Над ним стоял наставник, свирепый и побледневший.

– Идиот! – выдохнул Хельги. – А если бы я не успел?! Это же келпи! Счастье твое, что берег пологий!

Подоспевшие девицы вытащили горе-наездника на сушу, принялись сушить и попутно издеваться. А откуда ему, бедному, было знать про этих самых келпи, злобных водяных тварей, что превращаются в лошадей и топят беспечных седоков?

– Держи-ка ты своего ученика подальше от воды, – посоветовала Меридит сприггану. – Что-то не везет ему с тамошними обитателями.

После происшествия с келпи принц окончательно пал духом, стал ныть и приставать к эльфу, которого боялся меньше всех: почему нельзя, мол, поймать Багору прямо тут, на дороге. Зачем тащиться на дурацкий Перевал? Объяснила ему Энка, предварительно стукнув:

– Затем, что мы его не ловим, а просто выслеживаем. Дождемся на Перевале и посмотрим, куда он пойдет дальше.

Принц не удержался от скептического замечания:

– Не слишком эффективный способ спасти Мир!

– Ты знаешь лучший? – нехорошим голосом поинтересовался Хельги; случай с келпи взволновал его куда больше, чем сам он мог ожидать.

Принц умолк.

Но скоро произошло событие, которое поколебало душевное равновесие всех путников, не исключая твердокаменную дису.

День пути отделял их от Перевала. Не найдя подходящей пещеры, ночь они решили привычно скоротать на опушке ельника. С комфортом расположились вокруг костра. Костры они жгли теперь ночи напролет, уступая мольбам принца. Сидели, болтали, Энка опять варила фирменный малосъедобный суп, Эдуард от нечего делать складывал хворост в аккуратную кучу. Спать пока не хотелось.

Вдруг что-то неуловимо изменилось в природе. Потянуло ветром, туча закрыла луну, стихли ночные шорохи, и в наступившей тревожной тишине слышен стал неясный, быстро нарастающий гул. Нечто угрожающее, жуткое было в этом звуке. Все вскочили, хватаясь за оружие.

– Ой, мамочка, что это?! – В страхе принц уцепился за плечо Энки, оказавшейся ближе всех.

– Ложись! – заорали Хельги и Меридит в один голос. Они что-то сообразили. Привычная к этой команде Энка без лишних вопросов растянулась на земле, свалив попутно принца. Меридит толкнула замешкавшегося эльфа. Хельги для верности вдавил физиономию ученика в мох.

– Закройте глаза, заткните уши! Что бы ни случилось, только не открывайте глаз! Иначе нам конец! – еще успела прокричать диса, прежде чем все потонуло в немыслимом реве.

То, что обрушилось на путников, трудно передать словами. Конский топот и ржание, визг, вой, лай, свист плеток и трели охотничьих рогов, звон тетивы, воинственные крики – невообразимая какофония звуков неимоверной громкости. Казалось, барабанные перепонки лопнут, не выдержав такого безобразия. Порывы ледяного ветра рвали одежду на спинах; больно колотили падающие шишки и сломанные сучья. Принц лежал придавленный, продрогший и полузадохнувшийся. Он визжал от ужаса и не слышал собственного голоса. Он чувствовал себя червяком под копытами конницы. Вот сейчас, сейчас исполинская подкова опустится на него, превратит в кровавое месиво. Казалось, не будет конца этому кошмару.

Но конец приходит всему.

Тишина наступила так внезапно, что они сперва решили, будто просто лишились слуха. Первой смогла пошевелиться диса. Меридит вдохновило открытие, что на самом деле она не оглохла. Ей был отчетливо слышен лязг собственных зубов.

Меридит встала на колени, огляделась. Рядом с ней ничком лежал Хельги. Рука его по-прежнему прижимала к земле голову ученика, хотя сам он был без сознания. Для спригтана с его острым, как у совы, слухом, акустический удар оказался слишком сильным. Меридит перекатила его на спину, заглянула в лицо, бледное до синевы, беззащитное и очаровательное.

«Он такой хорошенький, когда спит», – говорила всегда Энка. Сердце Меридит сжалось. Хельги был ей очень дорог, хотя их взаимная привязанность на самом деле не имела ничего общего с теми чувствами, которые Сильфида характеризовала словом «влюбилась».

Кряхтя, ругаясь и тряся головой, чтобы избавить волосы от набившейся в них дряни, поднялась на ноги Энка. Еще не до конца опомнившийся Аолен принялся тормозить принца. К радости дисы, Хельги тоже скоро очнулся.

Энка воззрилась на него и Меридит с таким видом, будто считала их виновниками происшествия.

– Ну может, кто-нибудь соизволит объяснить нам, невеждам, что это было?

– Дикая охота! – лязгнула зубами диса.

– Ох, покусай меня грифон! – Сильфида изменилась в лице. – Ты ТОЧНО уверена?

– Куда уж точнее!

– Хорошо, что я сама не догадалась, – с большой убежденностью сказала Энка. – Спятила бы со страху!

Принц уселся, обхватил голову руками и тихо заскулил. На этот раз никто над ним не насмехался.

– Останешься в живых после ТАКОГО – и правда поверишь, что рожден для спасения Мира, – сказала Меридит.

Ночные кошмары при свете дня нередко кажутся увлекательными приключениями. Наутро все, кроме Хельги, которому все еще было плохо, оживленно обсуждали происшествие, описывали свои ощущения, мысли и страхи.

– Самое главное в таком случае, – запоздало инструктировала Меридит, – не открывать глаза! Если их не видишь, они тебя не найдут. А взглянешь – тут же прикончат!

– Они явились из Инферна? – трепеща спросил Эдуард.

– Нет, они местные. Проклятые. Про них разное говорят. Одни считают, что охотники убивают на своем пути всех без разбору, другие – что ищут кого-то специально.

– Ой, а вдруг нас?

– Не знаю, не знаю! Ночью видно будет! – радостно сказала Энка. – Как явятся опять, как налетят!

– И зачем ерунду говорить? – не выдержал Хельги. – Дикая охота является каждому существу только раз в жизни. Это все знают.

После этого сообщения принц почувствовал себя почти счастливым. Если честно, не он один.

Вечером путники подошли к подножию Безрудных гор. Они не были высокими, ни в какое сравнение не шли с заснеженными пиками Сильфхейма или подпирающими небеса громадами арвейских вершин. Но старость, сгладившая их вершины, смягчившая очертания, придавала им своеобразное величие. Впрочем, принц этого не почувствовал. Он был разочарован.

– А говорили, Перевал – единственное место, где можно перейти через Безрудные горы! Подумаешь, горы! Холмы какие-то. Каждый дурак на вершину залезет в любом месте.

Меридит возразила скептически:

– Ну-ну. Попробуй залезь. А мы потом, так и быть, поищем твои косточки на склонах. Перевал – единственное место, где можно пересечь горы в относительной безопасности. Его охраняет древняя магия. Причем с каждым годом все хуже и хуже.

– Уж не настолько и хуже, – вздохнул Хельги. Ему эта древняя магия стояла поперек горла. Видимо, спригганы попадали в число тех существ, против которых она была направлена. – Знаете что, вы идите по дороге, а я где-нибудь в сторонке...

Меридит посмотрела грозно:

– Ты через Перевал ходил?

– Ходил.

– Не рассыпался?

– Не рассыпался.

– Значит, и теперь не рассыплешься. Безрудные горы не то место, где можно бродить поодиночке.

Хельги не стал спорить. Перевал грозил ему лишь комплексом неприятных ощущений, а горы – множеством реальных опасностей вроде голодного тролля, кобольдовой западни или какой-нибудь древней нежити.

Путь через Перевал занял у них весь следующий день. Он оказался совсем не таким легким, как ожидал наследник престола. Подъем утомил его очень быстро. Несчастный стал спотыкаться и падать. Спригган забрал у ученика весь груз, но скорости это почти не прибавило. Хельги ругался не хуже Энки, ему-то хотелось преодолеть Перевал как можно быстрее!

Эльф обратил внимание, какой необычной стала дорога. Относительно ровные и пологие участки заканчивались уступами высотой почти в рост. Сперва ему казалось, что эта гигантская лестница создана природой. Но на седловине, где рельеф не скрывали осыпи, стало ясно: тут потрудились кто-то древний и огромный. Как давно это было? Быть может, в те неизмеримо далекие эпохи, когда юные еще горы устремляли в небеса свои островерхие снежные шапки? Безжалостное время не сохранило никаких воспоминаний о великанах седой древности, – ничего, кроме этого безымянного памятника.

Хельги фыркнул:

– Это палеозойская складчатость, какие великаны? Когда эти горы были молодыми, на земле водились жирные, хвостатые земноводные, даже ящеры еще не появились. А дорогу строили совсем недавно, тысячелетий двадцать назад, не раньше.

– Угу, совсем недавно, – кивнула Энка, – давеча!

– Конечно, недавно. Если сравнивать с палеозоем.

– Ну если только с палеозоем! – Энка понятия не имела о палеозое – и не желала иметь.

– Какой же силой должны были обладать эти великаны, если их магия действует двадцать тысячелетий! – воскликнул потрясенный Эдуард.

– Зачаточной! – рявкнул Хельги. У него болела голова, и невежество окружающих раздражало больше обычного. – Любой дурак может высечь на камне магические символы, и они будут отравлять жизнь окружающим, пока камень не рассыплется. К тому же дорогу зачаровал кто-то другой, намного позднее. Не думаю, чтобы древние великаны имели что-то против спригганов. Нас тогда вообще не было.

Аолен погрузстнел. Рассуждения Хельги были убедительны, но лишены всякой поэзии.

Преодолев наконец Перевал, они выбрали подходящее для засады место – небольшую расселину у подножия гор, хорошо укрытую от ветра и посторонних глаз. Отсюда прекрасно просматривалась вся древняя дорога, никто не мог проскользнуть незамеченным. Здесь им предстояло дожидаться появления Багоры.

Ожидание действовало на всех по-разному. Принц наслаждался отдыхом, эльф – тоже, хотя и не столь откровенно, Энка и Хельги изнывали со скуки, а Меридит взялась точить все имеющееся в наличии оружие – это ее немного развлекало. За дорогой следили днем и ночью, по очереди. Принц – только днем.

Время шло, а Багора все не появлялся. Энка уже начала беситься и роптать, зато Хельги нашел себе занятие: стал собирать образцы здешних руд. Скоро их скопилась целая куча. Энка удивилась:

– Не пойму, почему эти горы называются Безрудными, раз здесь полно руды?

– Это человеческое название, – пояснила Меридит. – Когда в здешние края пришли люди, они не смогли отыскать руду, она вся была уже давно заговорена кобольдами. А мы эти горы так и зовем – Кобольдовые.

– А мы – Южные, – добавил Хельги.

– Дурость какая! – возмутилась сильфида. И Аолен был с ней согласен, спригганское название решительно не вязалось с суровым обликом северных гор.

– Но они же на юге от наших земель.

– Все равно. Могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. Слово «южные» подходит им, как рога ослу. У спригганов все названия такие глупые?

Энке очень хотелось поспорить, но Хельги не поддавался на провокацию. Он не испытывал никакой любви к собственному народу и не считал необходимым оправдывать его нелепые выходки.

Детство всякого сприггана – пора отнюдь не безоблачная, и людей трудно за это упрекнуть. Кому понравится обнаружить, что в колыбели вместо собственного драгоценного чада лежит мерзкий подменыш? Понятно, что любимцами семьи эти создания не становились. Их терпели. Из страха за судьбу собственного ребенка. Всем известно: сколько раз ударишь подменюша – столько будет бито твое родное дитя. К несчастью, правило это касалось только матери с отцом, окружающие вольны были обращаться с чужаком как им заблагорассудится. В результате спригганы с детства проникались ненавистью к роду человеческому.

Но та, которую Хельги называл матерью, та, что дала ему имя, – нет, конечно, она не любила его, но... жалела.

Хельги помнил – спригганы все помнят – как она укачивала его, вредного, вечно голодного и орущего, прижимала к груди и называла «бедным маленьким чудовищем». Да и позднее, когда отпали все основания называть Хельги чудовищем – ни у кого в Рун-Фьорде не было ребенка с такой красивой мордочкой, – она по-прежнему была добра к нему, хорошо кормила и защищала от гнева ярла, имевшего дурную манеру швырять в подменного сына тяжелые предметы.

И когда спустя тринадцать лет за Хельги пришли и привели на обмен ее родного сына – не истощенного заморыша, а здорового, крепкого, обученного военному делу мальчишку, – у нее хватило доброты сунуть в руки Хельги узелок с наспех собранной едой и поцеловать его на прощание.

Непривычные к подобным нежностям спригганы подняли было Хельги на смех, но тут же пожалели об этом. Обозленный выкормыш фьордингов всеми зубами и когтями вцепился в глотку ближайшего обидчика, насилие отодрали. Это внушило им должное уважение.

– Вот получай своего отпрыска! Да поосторожнее с ним, он у тебя бешеный! – так был представлен Хельги своей настоящей матери.

Никто не назвал бы встречу трогательной. Еще очень молодая, мрачного вида женщина кивком головы пригласила новообретенного сына в каменный сарай, служащий ей домом, а сама куда-то удалилась. Хельги вошел и огляделся. Жилище было убогим и грязноватым, особенно по сравнению с хорами ярла. В центре – очаг, вокруг – шкуры для спанья, сбоку – большой ларь и полка для посуды. Ближе к выходу – подстилка, на ней – четверо замызганных, вонючих и забитых человеческих детенышей. Хельги с жалостью подумал о тех, кого они заменяют.

– За каким демоном тебе столько детей? – было первое, что он сказал матери. – Уж лучше бы ты избавлялась от них, чем отдавать мучиться!

– Тебя не спросила, – прошипела та.

Год прожил Хельги в Сером Дольмене, постигая все, что положено знать и уметь каждому сприггану. Период этот он никогда не считал приятным. Соплеменники нравились ему не больше, чем люди Рун-Фьорда.

В четырнадцать лет он в компании тридцати сверстников предстал перед Советом Дольмена. Решалась их судьба. Со всеми испытаниями Хельги справился вполне прилично, настало время последнего задания. Его давал старший советник, каждому персонально.

Откуда ему были известны слабости каждого юного сприггана? Один почему-то боялся огня. Он должен был сложить вокруг себя кольцо из хвороста и собственноручно запалить. Другой не умел плавать, и этому несчастному велели перебраться через глубокую бурную Оулен, туда и обратно.

Подошел черед Хельги.

– Видишь, цверги гонят стадо? Отправляйся, добудь нам мяса на обед.

Поручение показалось всем несправедливо легким. Ни один цверг не решится встать на пути сприггана, вознамерившегося поохотиться на его оленей, – собственная жизнь дороже. Но Хельги взглянул на советника в упор и прямо заявил:

– Я не убиваю животных.

Толпа зрителей ахнула. Отказаться выполнить задание! ТАКОГО в истории испытаний еще не случилось! В глазах советника вспыхнул красный огонь.

– Как ты смеешь возражать Совету? Исполни, или будешь наказан за неповиновение.

Хельги тоже разозлился:

– Думаю, ты оглох от старости. Я же ясно сказал: я вообще не убиваю животных. Никогда. Они мне нравятся. Дай мне другое задание, это я выполнять не буду. Все.

Старшему советнику нельзя было отказать в выдержке. Он не стал унижать свое достоинство, вступая в пререкания с наглым отпрыском рода Ингремов. Но когда оглашали перечень назначений, Хельги попал туда, куда обычно направляли безнадежных идиотов или калек.

– Ингрем Хельги будет рыть выгребные ямы и могилы, собирать хворост и убирать нечистоты.

Анна Ингрем не удержалась и взвыла. Такого позора в ее роду еще не бывало! Но Хельги даже не огорчился, а просто сообщил:

– Я не буду рыть выгребные ямы. Я пойду с ними, – и кивнул в сторону нескольких избранных счастливиц. Их отправляли в Староземье на обучение.

Это был верх наглости. Старший советник издал такое шипение, что Хельги долго не мог подобрать подходящего сравнения для описания этого звука. Лишь годы спустя ему довелось услышать, как шипит дракон перед огненным плевком. Очень похоже на Барта Альветта.

Самой большой неожиданностью в этой истории оказалась реакция соплеменников Хельги. Вместо того чтобы возмутиться и наказать непокорного, спригганы развеселились.

– Слушай, Барт, ну чего ты прицепился к ребенку? Хочет идти на обучение – пусть идет, – заявил конунг. Его слова были решающими. Ворчание советника о подрыве устоев и растлении нравов после них ничего уже не значило.

Через три месяца Хельги определили в школу Белых Щитов в Дрейде. Все связи со своим народом он окончательно утратил, и наносимые ему оскорбления на свой счет не принимал.

Четыре дня прошло в ожидании, и вот острый глаз Аолена различил высоко на склоне движущуюся точку.

Человек шел медленно, тяжело согнувшись, будто под ударами ветра, хотя день выдался удивительно тихий. Шаг за шагом преодолевал он сопротивление древней силы, охраняющей от зла путь через Перевал. Но – преодолевал!

– Смотри! Он? – спросила принца Энка.

Путник был уже близко. Эдуард осторожно выглянул из-за камня. Высокая сутулая фигура, длинные руки, черные волосы...

– Он! – подтвердил принц. – Точно он... Ох, Силы Стихий!!!

Все остальное произошло на глазах Эдуарда. Принц увидел, как с противоположного склона сорвалась каменная масса, закружилась, ринулась вниз с нарастающим грохотом, обрушилась на древнюю дорогу, потекла по ней, как по руслу. За считанные секунды лавина накрыла место, где стоял Багора...

– Все живы? – спросила Энка, чихая и отряхиваясь.

– Вроде все, – неуверенно ответила Меридит, потирая шишку на затылке. – Хельги, ты живой?

– Живой. Чего не скажешь о нашем приятеле.

Спригган уже стоял на дороге и с отвращением рассматривал нечто. Удивительно, но лавина не погребла тело Багоры, лишь протащила вниз по склону, жутко изуродовав и искорежив.

– Я уж думал, нам конец! Она ка-ак сорвется! Ка-ак рухнет! – возбужденно кричал принц, размахивая руками. – А где Багора?

– Все так думали... Нет, не ходи сюда! СТОЙ!

Но принц уже выскочил из укрытия и вскарабкался к наставнику. Глаза его расширились.

– Это что?! Ой-й! – Он побелел и повалился без чувств.

Хельги устало вздохнул. Аолен смотрел на тело врага долго, мрачнел все больше.

– Если бы предвидеть, что этот негодяй погибнет так скоро, легко и бесполезно для нас, лучше бы я сам убил его еще в Поните. Мне стало бы легче, – выговорил он наконец.

– Знаешь, – ответил Хельги, – бывает на свете мерзость, которой лучше не касаться. Думаю, это как раз наш случай. Пошли отсюда...

– Итак, след оборвался, – подвела итог Меридит. – Что будем делать?

Энка не медлила с ответом:

– Пойдем назад, поищем новый.

– Я назад не пойду, – уведомил Хельги.

– Почему? – удивилась сильфида. – Тебе понравилось тут жить? Может, построим шалаш, заведем коз, и гори весь мир синим пламенем?

Хельги продолжал упрямыться:

– Назад через Перевал я не пойду. Никогда. Я не желаю разделить участь Багоры.

– Первый раз, что ли? Ты сколько через него ходил, все было нормально!

– Нет. Эти гнусные древние силы только и ждут, кого бы еще прихлопнуть. Они мне и сонные досаждали, а теперь Багора их пробудил. Делайте что хотите – я не пойду. Мне страшно.

Энка примолкла. На ее памяти это был первый случай, не связанный с экзаменами, когда Хельги открыто признал, что ему страшно.

– А давайте пойдем в Инферн! – вдруг весело предложила Меридит. – Наверняка Багора шел именно туда.

Тут уж Энка получила полную возможность реализовать свою страсть к полемике:

– Во-первых, почему ты вообразила, что Багора шел в Инферн? Вдруг он свернул бы к фьордингам? Во-вторых, что мы будем делать во враждебном мире? Надеешься, что мы вчетвером с половиной разгромим всю их армию? Мы, конечно, страшны в гневе, но не настолько, чтобы народ мер со страха от одного нашего вида. На что ты рассчитываешь?

– А ни на что! Если сами Силы Судьбы втравили нас в эту историю, пусть озаботятся указать нужный путь. А пока нам надо просто идти вперед.

И они просто пошли вперед. В Инферн.

Про эту землю достоверно известно было одно: находится данный рассадник Зла на Востоке.

Зато слухов ходило великое множество, одни другого страшнее – и все ничем не подтвержденные. Никто, мол, из отважных землепроходцев, рискнувших предпринять поход в проклятые земли, назад не вернулся. Но если в Староземье и окрестностях приключалась какая-нибудь напасть: обрушивалась стихия, случалось моровое поветрие, разводилась злокозненная нежить, – никто не сомневался – без Инферна дело не обошлось!

К счастью, между Староземьем и Инферном лежали Дикие леса, переходящие в зачарованное Чернолесье – огромный, таинственный и неизведанный край, служивший надежным щитом если не от магических козней, то по крайней мере от военного вторжения. Случалось, целые армии исчезали бесследно в дебрях бескрайнего леса. Но северные земли граничили с Инферном непосредственно, разделенные лишь горным хребтом.

Северный ландшафт, по мнению Аолена, вполне соответствовал преддверию царства Зла. Эльфа пугало и угнетало необозримое открытое пространство, раскинувшееся севернее подножия Безрудных гор. Бесплодная, каменистая равнина, поросшая чахлыми, низкорослыми растеньицами, ведущими неравную борьбу за жизнь. Ни одного настоящего дерева до самого горизонта. Даже бедные птицы вынуждены были гнездиться прямо среди камней, подвергаясь постоянной опасности. Пусто. Голо. Тоскливо. Но когда эльф высказал эти мысли вслух, Хельги почти обиделся:

– А мне здесь нравится. Тем более сейчас, весной, когда все цветет...

– Силы Великие! И это тут называется «все цветет»!

– Конечно, во фьордах поэтичнее, но и тут довольно мило. По крайней мере, ничто не давит на психику вроде этих ваших коэлов. Посмотреть весьма интересно, но как вы живете среди них постоянно – не представляю.

– Каждому свое, – сделала вывод Энка. – Как говорится, «всяк сверчок знай свой шесток»... или «где родился, там и содился»? А, вспомнила! «Всяк кулик свое болото хватит»!

Меридит рассмеялась:

– Ты просто кладезь народной мудрости!

– Разумеется! – охотно согласилась Энка. – И не только народной. Я вообще мудра не по годам, это все знают.

Эльф был неприятно поражен такой беззастенчивой похвалой, но потом сообразил все-таки, что это шутка.

– Я есть хочу, – сказал принц. Слово «кладезь» ассоциировалось у него с поклажей, а та – с едой.

– Вечером поешь, – отрезал наставник. – Настоящий воин должен уметь терпеть голод и не канючить.

Эдуард терпел, терпел и терпел, но вечер почему-то не наступал. Солнце висело на небе как приклеенное, а когда наконец соизволило сесть, принцу хотелось уже не столько есть, сколько спать.

– Здесь темнеет поздно. А летом вовсе ночи не будет, – обещал Хельги. – Тогда и круглые сутки можно идти.

Эдуард мысленно пожелал, чтобы лето не приходило никогда.

Ужин получился скромным: половинка хлебной лепешки и по соленой рыбке на каждого. Да еще премудрая Энка случайно сварила нечто среднее между супом и кашей – вышло вполне съедобно, но мало.

– Пора подумать о провизии, – сказала Меридит. – Птичьих яиц, что ли, поискать? Хельги взглянул уничтожающе:

– Маленькие, бедные птички! Беззащитные! Старались, неслись. Вокруг столько хищников, еще и диса туда же! Неужели тебе их не жалко?

Все посочувствовали беззащитным птичкам, но очень уж хотелось есть.

– Как вы считаете, мы очень торопимся в Инферн? – спросил спригган после некоторого раздумья.

– Нет, не очень. Вообще не торопимся, – ответила за всех Энка. – А что?

– Давайте сделаем небольшой крюк? Я хочу навестить свою мамочку. Заодно и еды добудем.

– Какую из мамочек ты имеешь в виду? – поинтересовалась диса.

– Жену ярла Гальфдана, разумеется. Анну Ингрем я мамочкой не зову, ты же знаешь.

На лице принца отразилось недоумение, но от вопросов он воздержался.

Вопреки обещанию сприггана, крюк оказался значительным. Путь на северо-запад занял два дня. Но Аолен был доволен. Угнетавшая его равнина сменилась пригорками, заросшими густым, низкорослым ельником, ивой и черной ольхой. Стали попадаться сосны – сначала корявые, потом все более стройные, но с редкими кронами. Встречались небольшие клочки возделанной земли. По словам Хельги, на них выращивали рожь, ячмень для пива и репу, – правда, росло все плохо.

И вот наконец появилось побережье – каменистое, прихотливо изрезанное отступившим ледником. Высокие скалы казались белыми, но не от снега – он давно растаял – от птичьего помета. Эльф никогда не видел такого скопления пернатых.

Местами со скал срывались водопады. Обрушиваясь в соленую воду, они смешивались с ней не сразу, а расходились пресным конусом.

И – море. Холодное, свинцово-серое, с глухим рокотом гнало оно приливные валы, разбивавшиеся об извилистые берега фьордов.

А только принцу было не до местных красот. Еда кончилась совсем. У Эдуарда подкашивались ноги, кружилась голова. Силы иссякли. Страдалец мешком свалился в обморок.

– Да, – изрекла Энка, в некоторой растерянности взирая на тело. – Голод не тетка, в лес не убежит.

– Разве тетки бегают в лес? – без всякой задней мысли спросил Хельги.

– Бегают, – отрезала сильфида. – Чем болтать о тетках, занялся бы лучше учеником, пока совсем не помер.

Хельги посерьезнел:

– Ладно. Пошли, тут рядом... Мне это никогда не нравилось, но ничего не поделаешь. Но имейте в виду, – он грозно посмотрел на спутников, – ничему не удивляйтесь и, самое главное, не раскрывайте рта! Молчите – или все испортите!

Они подошли к длинному, приземистому дому, стоявшему в окружении еще нескольких построек нежилого вида – сараев. По обеденному времени на дворе было пусто.

Обогнули дом. Хельги ногой с треском распахнул тяжелую дверь. Шокированный его бесцеремонностью эльф попытался улизнуть, но его втолкнула внутрь Энка.

За столом сидело множество людей самого грозного и сурового облика. Вкусно пахло едой. При виде нагло ввалившейся компании все отложили ложки и замерли. Не от испуга замерли, просто в ожидании. Особого удивления люди тоже не проявляли.

– Я спригган Хельги Ингрем, подменный сын ярла Гальфдана Злого, владельца Рун-Фьорда, – объявил Хельги с порога. – На всем Побережье нет воина сильнее и злее меня. Стрела моя настигает чайку в облаках, одним ударом убиваю я одного кита или тридцать пленников...

– Когда это ты убивал ки... – начала было Энка, но Меридит ткнула ее в спину.

– Ни один из воинов, сошедшихся со мной на круге, не ушел с него своими ногами. Я побеждал орков на Западе, степных кочевников на Юге, речных чудовищ на Востоке. Я... что еще? Ах да! Мне подвластны ветра, снега и волны. Сейчас я иду на Восток, покорять земли проклятого Инферна. Мне нужно много доброй еды для меня и моих воинов.

Люди за столом молчали. Сообщение об Инферне произвело должное впечатление.

– Но, – осторожно заговорил хозяин, огромный бородатый человек, – но ведь на тинге в Свольде было решено отменить береговую дань. Мы сами вольны решать...

– Свольд далеко. Рун-Фьорд близко. Вот и решай, человек, – перебил его Хельги.

Человек решил правильно...

– И все-таки это безобразие, – заявил эльф, когда они, тяжело нагруженные, отошли на приличное расстояние от усадьбы. – Самое настоящее вымогательство.

– Я предупреждал, что мне это не нравится. Хорошо, что тинг наконец решился поставить на место свободных ярлов. Давно пора! Будем надеяться, другие хозяева окажутся более принципиальными.

– Будем надеяться – нет! – шепнул принц так, чтобы его не услышали. Он был сыт и почти счастлив.

Рун-Фьорд находился действительно близко – в нескольких часах пути.

Оставив всю компанию в ельнике близ устья реки, Оулен, спригган направился к городскому укреплению по знакомой узкой тропе, протоптанной в те времена, когда Хельги еще был ребенком. С нее было хорошо виден залив, пустой, без драккаров. Хельги порадовался. Видеть ярла он совершенно не хотел. В детстве он часто мечтал: как вырастет, вернется во фьорд и прикончит окаянного родителя. А теперь лень было связываться. Хельги с завистью вспомнил о магическом колпаке Франгарона. Он бы сейчас очень пригодился. Встреча с женой ярла сприггану тоже была не нужна, просто брякнул девицам первое, что пришло на ум, чтобы долго не объяснять настоящую причину визита в Рун-Фьорд.

Случилось это в тот год, когда Гальфдан впервые взял подменного сына в море, в набег на Новые Земли.

Хельги совершил преступление, за которое, случись ему попасться, пришлось бы дорого расплачиваться. Он отпустил на волю пленника, устроил тому побег. Собственно, судьба пленника его не волновала. Но за пазухой у старика жила диковинная зверушка: размером с ладонь, длинный, цепкий хвост, почти человеческие пальчики на ручках и ножках, а мордочка как у грустного домового гоблина. Совершенно очарованный, Хельги готов был и жизнью рискнуть ради чудесного создания. Но реальная опасность грозила лишь его пятой точке, и юный спригган без колебаний выдворил старца на свободу.

На прощание старик протянул своему спасителю медальон, очень плоский, прямоугольный, не поймешь из чего сделанный и покрытый неизвестными символами.

– Возьми, – сказал он, – придет время, и ты должен будешь совершить то, что никто до тебя не совершал. Когда ты увидишь вражье тело, которое сама земля не хочет принять внутрь себя, – вспомни про этот медальон. Он будет тебе полезен.

Тогда Хельги даже не пытался разобраться в загадочном предсказании, его больше всего занимало благополучие зверька. Медальон он сдуру зарыл возле дома, да там и оставил, совершенно о нем позабыв. Теперь вот вспомнил!

Коря себя за детское легкомыслие, Хельги подошел ко рву с водой, опоясывающему город ярла. «Город!» – усмехнулся про себя спригган. Кое-где населенный пункт такого размера и селом постеснялись бы назвать. От рва несло помоями. Все как всегда.

– Эй! Опускай давай! – крикнул он юнцу у подъемного моста.

– А ты кто такой, чтобы мне приказывать? – заносчиво ответил тот, будучи в самом дурном расположении духа. На этот раз его не взяли в море, поручили охрану города. Тоже,

казалось бы, достойное дело, но с морскими подвигами не идет ни в какое сравнение. Теперь парень пыжился и старательно демонстрировал собственную важность.

– Я подменный сын ярла Гальфдана, – спокойно сообщил Хельги.

Мост с треском стукнулся о землю.

Подросток таращился на пришельца во все глаза. Он был почти младенцем, когда ярлу вернули родного сына. С тех пор все делали вид, будто подменного не существовало вовсе. И вдруг тот является собственной персоной! И не впустить нельзя, по закону он полноправный фьординг!

Миновав ворота в бревенчатом заборе, Хельги направился в центр. Охранник чуть не побежал следом, по еще не забытой детской привычке, но спохватился и вернулся на пост.

«Город» был пустым и сонным. Мужчины в море, женщины сидят в домах, лишь рабы-тралсы копошатся в мастерских. Но тем ни до чего нет дела. Дом ярла стоял на холме, длинный, мрачный, совершенно не обветшавший за прошедшие годы. Глаз Хельги сразу отметил новшество – трубу над крышей. Раньше в доме Гальфдана, как и во всех других на побережье, топили по-черному. Все были в то время уверены, что копоть очень полезна для здоровья. Теперь и сюда стала проникать цивилизация.

Спригган бесшумно отворил дверь (смазали наконец!) и юркнул в сумрак «родительского» жилища. Медальон был на месте. Хельги вырыл его ножом, порадовался удаче и собрался уходить, но путь ему преградили.

– Кто ты, пришелец? – раздался грозный женский голос. – Не шевелись, или я метну в тебя нож.

– Ох, мамочка, да это я! Пришел забрать кое-что. В тот раз забыл.

Оружие выпало из рук жены ярла. Только одно существо на свете называло ее «мамочкой». Не от большой любви, скорее, это была ирония.

– Демоны морские, Хельги, это ты?!!

– Собственной персоной, – подтвердил тот.

Они долго молча смотрели друг на друга.

Жена ярла изменилась мало. Даже седина была незаметна в светлых волосах. Женщины побережья долго остаются молодыми, а потом вдруг разом дряхлеют, превращаются в старух. Но жене ярла было еще очень далеко до этого.

А вот Хельги стал другим. Тильда помнила его злобным, затравленным ребенком. Теперь перед ней стоял уверенный, спокойный, насмешливый... НЕ ЧЕЛОВЕК. Совсем не человек.

– Зачем ты явился? – нарушила молчание женщина. – Что тебе надо?

– Я же сказал: забрать одну вещь. Вот, – он показал медальон, – извини за беспокойство, уже уйду.

– Подожди! – Она заступила дверь. – Я была тебе матерью тринадцать лет. Неужели тебе и сказать нечего после стольких лет разлуки? Если так – уходи!

– Почему – нечего? – возразил Хельги. – Просто я думал, тебе неприятно меня видеть. У тебя теперь есть этот... Улаф.

Имя подменного брата он выплюнул будто ругательство. В нем неожиданно проснулось давно забытое чувство ревности.

– Улаф сейчас в море. На своем драккаре «Гром».

– Ну и что? – Хельги зло отвернулся. Когда-то «Гром» считался его драккаром. Казалось бы, зачем ему теперь драккар? Все равно обидно.

– Отец говорит, не было еще такого воина в Рун-Фьорде, да и на всем Побережье, – продолжила рассказ Тильда, будто желая помучить подменного сына. – Он мог бы победить самого Сигурда Медведя или Рогтсу Кровавого. Отец очень доволен им.

– А ты? – Хельги смотрел в упор. – Ну если честно... Ты его очень любишь?

Последний вопрос прозвучал по-детски нелепо.

Жена ярла надменно взглянула на сприггана... и вдруг поняла, что ее ответ для него действительно важен. И она не смогла солгать.

– Он чужой, – голос ее звучал глухо, – он сын мой, я стараюсь его любить. Но он – чужой. Как я ждала его! Дни и ночи, целых тринадцать лет. И он вернулся, но все пусто, пусто. Нет, я не люблю его.

Хельги уселся на скамью верхом. Уходить он раздумал. Ему очень нравились слова Тильды. Он закусил губу, чтобы не выдать свою радость. Хотя жену ярла, конечно, было жаль.

А женщина продолжала. Впервые за долгие годы она могла говорить откровенно.

– Улаф страшный человек. Из тех, что убивает ради забавы. Его все боятся. Он стал берсеркером. Силы Стихий! Ты бы видел его в ярости! Не человек – дикий тролль!

– Берсеркером! – поразился Хельги. – Настоящим?! Бегаёт голый, рычит и грызет щит? Убиться можно! Вот не думал, что в нашем семействе может приключиться такое! Хотя помнишь, отец говорил, будто брат его прадеда был знаменитым берсеркером? Наверное, у Улафа это наследственное...

Они проговорили несколько часов.

За разговором даже внимания не обратили на шум и суматоху, поднявшиеся снаружи. Утратили бдительность, как говорит Меридит.

Дверь распахнулась с грохотом. Мощная фигура, облаченная в кожи, металл и мохнатые шкуры, возникла в проеме, слишком низком для такого великана.

– Встречай, мать! – проревел Улаф. – Мы воротились с победой! И с богатой добычей!

Тильда вскочила, словно желая заслонить Хельги собой. Но Улаф даже не заметил гостя.

– Отец занят разгрузкой, а я – скорее домой. И с подарком! Вот тебе сноха, мать! – Он силой втолкнул в дом девочку лет шестнадцати, тоненькую, нежную, раздавленную ужасом. – Хороша, а?!

Фьординг намотал светлую косу девушки на руку и резко рванул вниз, заставляя ее тем самым открыть лицо.

– А ты говорила, никто за меня не пойдет! Не пойдет – сам возьму что мне надо!

Он снова потянул девушку за косу. Шея ее выгнулась и болезненно напряглась. Но несчастная даже не застонала, столь велик был ее страх. Тут уж не выдержал Хельги:

– И чего ты ее мучишь? Тоже Рогтса Кровавый нашелся! Справился!

От неожиданности Улаф выпустил свою жертву, и она молча повалилась к его ногам.

– Это... это еще кто?! – яростно прохрипел он. – Убью-у!!!

– А я твой братец Хельги, – издевательски сообщил спригган. – Слышал о таком?

Тильда замерла в ужасе. Рядом с тушей Улафа Хельги выглядел почти таким же беззащитным, как несчастная пленница.

Сын ярла взвыл и ринулся вперед. Он давно поклялся себе убить подменного брата – и теперь был полон решимости исполнить клятву. Глаза берсеркера дико блуждали, изо рта фонтаном летели брызги слюны, в груди клекотало. Зрелище было редкое! От любопытства Хельги едва не пропустил удар. Увернулся в самую последнюю секунду. Улаф не удержал равновесия и со всего размаха врезался в стену. Но боли не почувствовал. Вскочил и вновь ринулся в бой. Хельги опять увернулся, теперь вовремя, без спешки. Дом содрогнулся от удара тяжелого тела, посуда посыпалась с полок.

– Ох, мамочка! Мы тебе все разнесли! – посетовал Хельги. – Но я не виноват, это все он... Слушай, братец, может, выйдем на улицу? А то вам есть не из чего будет.

Берсеркер не слышал и не понимал. Слепая ярость гнала его в атаку, снова и снова. Наконец сприггану наскучило однообразие, и он нанес встречный удар. Прицельно и аккуратно, по методу Энки.

Каждый, кто знал Улафа, считал его невероятно смелым человеком. Но он не был смелым, он был обыкновенным. Просто он не ведал, вернее, не помнил страха. Спригганский выкормыш забыл почти все, что было с ним до возвращения домой, даже имя, которое носил все эти годы. В тринадцать лет жизнь для него началась сначала. И в этой новой жизни он был самым сильным, самым могучим, не знающим себе равных, – и никого не боялся. Все боялись его.

И вот страх вернулся. В образе давно забытом, но хорошо знакомом: злобное, опасное существо с желтыми, горящими глазами на нечеловечески красивом лице. Кошмарная тварь склонилась над ним и зашипела.

Улаф почти не понимал слов Хельги. Он лежал поверженный, униженный, впервые побежденный. Не берсеркер на поле боя – ребенок в когтях чудовища. Он и повел себя соответственно:

– Мама! Мама, спаси меня! – Голос фьординга сорвался на визг. – Убери от меня это!

Хельги выпрямился, очень довольный эффектом.

– Нужен ты мне! Не визжи как резаный, ты все-таки берсеркер, а не дева корриган. Мам, скажи ему, пусть не визжит, я уже ухожу! Я ее заберу, ладно? – Он кивнул на пленницу, комочком сжавшуюся в углу. – Ее нельзя оставлять с твоим монстром.

Тильда согласно кивнула.

– Тогда до встречи, мамочка! Через год-другой загляну вас проведать... А ты собирайся, пока не объявился папаша. Ярл, он захочет нам помешать, я его знаю. Идем!

Девушка покорно поднялась с пола и поплелась за спригганом.

Никто их не задерживал, и скоро ворота Рун-Фьорда остались позади.

– Кто ты? Как тебя зовут? – Хельги старался говорить так мягко, насколько вообще способен спригган.

Девушка лишь дрожала и всхлипывала.

– Ну чего ты, горе мое? Кого ты теперь боишься?

– Тебя... – с трудом пролепетала она. – Ты... не человек, раз победил, его... Берсеркера.

– Конечно, не человек. Я спригган.

Услышав это, девушка вдруг повалилась на колени.

– Пощади меня! Пожалуйста, не убивай! Не хочу, не хочу! – рыдала она.

– Да что с тобой?! – Растерявшийся Хельги приземлился рядом. – Почему ты вообразила, что я тебя убью?

– Спригганы всегда убивают женщин. Перегрызают им горло, – ответила девушка сквозь слезы, но уже чуть спокойнее. – Так все говорят.

– Кто говорит?! – возмутился Хельги. – Покажи мне его! И я объясню, кого спригганы убивают на самом деле! Ну надо же, дурость какая!

Негодование Хельги было таким искренним, что девчонка успокоилась. Она перестала хлюпать и впервые взглянула на своего спасителя повнимательнее.

За свою недолгую жизнь ей встречались мужчины только одного типа: мешковатые, коренастые, дремуче-бородатые и грубые. Такую потрясающую красоту, какую являл собой Хельги, она видела впервые.

Бояться она перестала.

К устью Оулен они вышли затемно.

– Явился! И года не прошло! – радостно воскликнула Энка. – А мы уже решили, что тебя там прикончили! Хотели по темноте искать тело.

– Нет. Не прикончили. Это я с семьей общался, – пояснил Хельги. – Вот.

Он подтолкнул девушку к костру.

– Это еще кто? – удивились девицы в один голос.

– Несостоявшаяся деверь... нет, кажется, сноха моей мамочки, – тяжело вздохнул Хельги, – родственница, одним словом.

Он кратко изложил события, включая историю с медальоном, встречу с женой ярла и появление Улафа с пленницей.

Спор о том, что делать с Ильзой, так звали девушку, вышел долгим. Сперва хотели отсрочить спасение мира и доставить ее домой. Но дела обстояли хуже, чем они думали: дома у несчастной больше не было. Из всего их городка она единственная уцелела после набега фьордингов. В этот раз грабители даже пленных не брали, очень богатую добычу надо было загрузить на драккары. Лотт населяли благополучные и состоятельные граждане, торговцы шерстью. В их домах водилось много всякого добра.

Тогда Аолен предложил пристроить ее к кому-нибудь из местных жителей в прислуги. Хельги фыркнул и заявил:

– Проще сразу вернуть ее Улафу, он все равно найдет и заберет. Пусть уж лучше с нами идет.

– Это совершенно исключено! Мы не можем вести ее в Инферн!

Дотоле покорно молчавшая девушка вдруг повалилась на колени, молитвенно сложила руки:

– Не гоните меня, пожалуйста, не отдавайте! Я пойду с вами в Инферн, пойду куда угодно. Я могу стирать и готовить, я буду вам верно служить, только не гоните!

Первой сдалась Меридит:

– Действительно, что за беда, если она пойдет с нами? Таскаем же мы принца без всякой пользы. А она может принести пользу. Лично меня от супов Энки уже тошнит.

– Варила бы сама! – огрызнулась сильфида.

– Нет! – категорически заявил Хельги. – Только не это! Лучше я сам буду готовить, только не Меридит!

– Я хорошо готовлю, – робко вмешалась Ильза.

– Вот и прекрасно! Значит, пойдешь с нами, – решила Энка.

Аолен еще долго пытался вразумить своих спутников, толковал, что безрассудно и жестоко подвергать юное создание такому риску, что, даже если бедняжка сможет пережить тяготы пути, в Инферне ее ждет верная гибель: «Проклятые Земли не место для молодых девушек!»

– А мы с Энкой, по-твоему, кто? – напомнила Меридит. Она хорошо усвоила, как можно заставить эльфа замолчать.

Наутро увеличившаяся компания двинулась в обратный путь. Замыкала шествие Ильза, выглядела она сущим пугалом. Улаф забрал ее из дому ночью, в одной рубашке. Пришлось напялить на нее то немногое, что прихватили на всякий случай из разоренной деревни: холщовые штаны, вязаную кофту и огромную, до колен, меховую телогрейку.

На следующий день телогрейка Ильзе стала не нужна. Резко потеплело, в Северные Земли пришла настоящая весна. Все повеселели, кроме сприггана.

– Вот наказание! – сетовал он. – Иногда холода стоят до середины июня! Надо же, как нам не везет! Не иначе происки Инферна!

– Почему – не везет? – удивилась Энка. – Наоборот, хорошо, тепло. – Она жмурилась на солнце как кошка. – Не понимаю я тебя!

– Скоро поймешь, – обещал Хельги.

И действительно, скоро она убедилась в правдивости его слов.

Разбуженные теплом, в воздух поднялись несметные полчища кровососов и с голодным остервенением накинулись на все живое.

Кусачих тварей было три вида: комары, огромные – с фалангу пальца – слепни и мелкая, всюду проникающая мошка. Каждый отравлял жизнь по-своему. Слепни особенно досаждали на привалах. Стоило сесть или просто остановиться, как ноги сплошь облепляла копошащаяся масса жирных насекомых. Они прокусывали даже плотные штаны и вырезали на коже жертвы болезненные, кровоточащие дырочки размером с пшеничное зерно.

Эдуард в отчаянии счищал их с себя плоским камнем. Они гибли сотнями, но нападали тысячами.

Во время быстрой ходьбы слепни одолевали своим низким жужжанием, а кусали меньше – не успевали как следует пристроиться. Зато успевала мошка. Она делала это безболезненно, исподтишка, но укусы потом зверски чесались и страшно распухали, перекашивая и уродуя лица. Тучи мошки лезли в глаза, нос и рот, и не было от них спасения.

Комаров особенно возненавидела Энка, как главная любительница супов. Именно в супе эти насекомые почитали за счастье окончить свои дни. Тепло их, что ли, привлекало? Легионы комаров тонули в котелке, их хитиновые тела придавали стряпне сладковатый привкус. Сильфида брезгливо отгребала утопленников к краю посуды, и они налипали на стенки рыхлым черным ободом. В конце концов девушка сдалась и перешла на твердую пищу. От комариных укусов это ее, разумеется, не избавило.

Путники спасались, кутаясь в тряпки, обмахиваясь ветками карликовой березы, жгли дымные костерки. Эффект был минимальным. К тому моменту, когда они вернулись в район Перевала, им уже самих себя было не узнать.

– Окажись мы сейчас в степи, сошли бы за местных, – пробормотала Энка, рассматривая свое отражение в луже. Распухшая вдвое физиономия, вся в малиновых точках, заплывшие веки, вывернутые губы, полосы расчесов на щеках. Остальные были разукрашены не менее живописно, вдобавок принца от укусов стала мучить лихорадка, он едва передвигал ноги. Один Хельги выглядел почти нормально, у него лишь немного набухли веки.

– Вот интересно, – негодовала сильфида, – почему нас всех разнесло, а этому гнусному сприггану хоть бы что?!

– А я местный и, значит, менее восприимчив к воздействию яда. Вы потом тоже привыкнете.

– Если выживем, – буркнула Меридит. Исконные земли дис лежали совсем недалеко, по ту сторону гор, но там такого безобразия никогда не бывало.

– К ТАКОМУ привыкнуть нельзя, – убежденно сказал эльф.

– Между прочим, в этих краях существует особенная казнь, – рассказал спригган. – Преступника связывают и голого бросают на улице. А утром находят обескровленный труп.

Энка покачала головой:

– Ну ты умеешь утешить в трудную минуту!

– А зачем его раздевать? – рассудила практичная диса. – Возиться только. В одежде будет тот же результат.

Пожалуй, она была права.

Несколько дней обстановка была такой жуткой, что даже невосприимчивый Хельги приходил в отчаяние. К счастью, внезапно налетевший ветер разогнал кусачие тучи. Но вместо них нагнал тучи дождевые.

Пошел дождь, по-весеннему проливной и по-осеннему затяжной. Казалось, небо прохудилось как старая крыша. Скоро на будущих спасателях Мира не осталось ни одной сухой нитки. Запасы провизии размокли, несмотря на упаковку, предназначенную, кстати, для морских походов. Две ночи провели под дождем, после чего из носов принца и Ильзы полило так, будто они решили состязаться с небом, чуть позже к ним подключился эльф. Кансалонцев простуда не брала, но настроение было отвратительным.

– Как хотите, – заявила Энка, – я сегодня в луже спать не буду. Я не жаба. Давайте искать пещеру.

– В пещерах ночевать нельзя, – грустно ответила Меридит. – Кобольды напасть могут. Они считают все пещеры своей собственностью.

– Каковы шансы, что они НЕ нападут? – осведомилась Энка грозно.

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответил Хельги.

– Я готова рискнуть, – решила сильфида. – А вы как хотите! Можете оставаться снаружи.

Пещера отыскалась скоро, сухая и уютная. И Меридит с Хельги сдались. Они ведь тоже не были жабами.

Переночевали просто чудесно. Кобольды напали утром.

Прямо в каменных стенах пещеры открылись вдруг черные провалы подземных коридоров, из них они и повываливались. Они хотели застать противника врасплох и перекрыть выход, но им это не удалось. Стоявший на страже эльф поднял тревогу. Сражение развернулось снаружи, возле пещеры.

Кобольды оказались плохими бойцами: низкорослые, медлительные, неповоротливые, со слабым ударом. Но было их много, слишком много.

Хельги и Меридит, стараясь заслонить собой людей, отбивались мечами. Кучи уродливых тел громоздились у их ног. На головы кобальдов обрушился настоящий стальной вихрь, мечи мелькали так быстро, что становились невидимыми. Энка на этот раз ухватила боевой топор. Она не питала пристрастия к одному определенному виду оружия, а выбирала его по настроению. Сейчас ей хотелось бить и крушить. Кобольдам с их укороченными, грубыми мечами не удавалось даже приблизиться к сильфиде. Аолену досталась непривычная для эльфа секира, но он быстро с ней освоился. Эдуард и Ильза кое-как отмахивались копьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.